

ЛЕПНЫЕ КОТЛЫ САМОДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА И ПРОБЛЕМА ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Самосдельское городище располагается в 40 км ниже Астрахани в дельте реки Волги, на правом берегу р.Бирюль (Старая Волга). Данное поселение было известно давно, еще с кон.ХІХ в. (Госархив, ф.37, д.34), но лишь как памятник золотоордынского времени (Егоров Л.В., 1985, с.118). Только в 1990 гт, в ходе рекогносцировочных работ, были выявлены материалы, относящиеся к более ранним периодам.

В 2000 г на городище начался новый этап исследований, в рамках которого проводятся ежегодные планомерные раскопки. Руководителями работ являются Э.Д.Зиливинская, Д.В.Васильев, Т.Ю.Гречкина¹. Данные исследования проводятся в рамках "Хазарского проекта" при поддержке Российского еврейского конгресса. В ходе них на городище были выявлены слои, относящиеся к нескольким историческим периодам – от эпохи Хазарского каганата до времени Золотой Орды. Такой широкий хронологический период делает Самосдельское городище одним из наиболее значительных памятников в Нижнем Поволжье.

Основным типом находок на памятнике является керамика. Коллекция, полученная в ходе исследований, исчисляется десятками тысяч фрагментов. Этот вид находок является основным материалом, который может дать этнокультурную и хронологическую характеристику данного памятника.

В нескольких своих работах авторы большое внимание уделяют анализу керамической коллекции. В результате предварительных исследований в гончарном комплексе памятника выявлены две представительные группы посуды. Первую составляют лепные и гончарные сосуды. Это кухонная (горшки) и столовая посуда (кружки, миски, блюда, кувшины, чаши, крышки и пр.). Данная посуда находит широкие аналогии в керамике болгарских памятников Подонья, Северного Кавказа, Среднего Поволжья и может быть соотнесена с болгарскими племенами (Зиливинская Э.Д. и др., 2003, с.107). Вторая группа представлена лепными и доведенными на гончарном круге формами (горшки, котлы, кружки, крышки), богато украшенными орнаментом, – пальцевыми и ногтевыми вдавлениями и насечками по венчику, наклепными валиками с на-

сечками, оттисками зубчатого штампа, прочерченными дугами, заполненными оттисками штампа, наколами камышинкой. Эти сосуды находят аналогии в кочевнической керамике Саркела (Плетнева С.А., 1959, с.230, рис.26. 1), в посуде "болотных" городищ на Нижней Сырдарье (Левина Л.М., 1971, с.78-80; Толстов С.П., 1947, с.67, рис.14. 1). Такие аналогии дают основания рассматривать этот комплекс как посуду огузо-печенежских племен (Зиливинская Э.Д. и др., 2003, с.111).

Следует отметить, что в постхазарский и домонгольский периоды прослеживается тенденция слияния двух керамических традиций – огузской и болгарской. Болгарская керамика, в целом, приобретает некоторые черты, для нее не характерные, – формы, орнаментацию, заимствованные из культуры огузо-печенегов. Данный процесс не завершился и был прерван монгольским нашествием (Зиливинская Э.Д. и др., 2003, с.118).

Продолжающиеся исследования на городище дают новые материалы, которые позволяют уточнить этнокультурную ситуацию на памятнике и выявить основные направления генезиса материальной культуры его населения. В этой связи следует особо остановиться на лепных котлах, широко распространенных в керамической коллекции Самосдельского городища.

Типология лепных котлов Самосдельского городища

В рамках этой категории посуды выделяется несколько типов. Они разделяются по морфологическим признакам, при этом технологические характеристики для всех них являются общими. Данные сосуды выполнены вручную, очень редко с доводкой на гончарном круге медленного вращения. Тесто, обычно плохо промешанное, с примесью органики (чаще всего навоз, гораздо реже мелкорубленая трава), шамота и раковины. Следует отметить, что качество промеса и набор примесей мог меняться. Например, в одном случае качество промеса могло быть более лучшим или наоборот.

¹ Выражаю благодарность исследователям за предоставленные материалы.

Также фиксируются случаи добавления в тесто песка, встречаются сосуды, у которых в тесто не добавлялась толченая раковина. Но отмеченная вариативность не формирует закономерностей и не является типобразующей. Указанные случаи должны рассматриваться как отражение субъективных привычек мастера и свидетельствуют о придомном производстве указанной посуды. Общность технологических характеристик в рамках данной категории свидетельствует о близком этническом родстве ее носителей, что позволяет говорить о принадлежности подобных форм к одному этническому компоненту.

Также здесь необходимо отметить, что описанные технологические характеристики котлов присущи и другим категориям лепной посуды. Это свидетельствует о том, что всю лепную керамику на памятнике следует рассматривать как связанный комплекс.

Тип I. Котлы с округлым сферическим туловом, венчиком, образованным краем стенки, и горизонтальными сплошными ручками-ушками (рис. 1-4; 5, 1, 2).

Зафиксировано несколько вариантов формы тулова. Во всех них оно сохраняет сферичность, общую округлость, однако, может быть практически шаровидным или иметь несколько уплощенную форму. Донная часть этих сосудов обычно уплощена по отношению к тулову, но никогда не оформлялась в виде плоского донца, сохраняя общую округлую форму. Венчик у данного типа сосудов слабо выделен и представляет собой слегка истонченный и заглаженный край стенки. Обычно он скошен во внутрь сосуда. Очень редко встречаются формы с венчиком слегка оттянутым наружу. Характерным признаком этого типа котлов является горизонтальная сплошная ручка-ушко. Обычно ручка располагается под венчиком либо в верхней части сосуда.

Сферическая, округлая форма тулова, слабо-выделенный венчик данных сосудов, по-видимому, восходят к металлическим котлам, которые были широко распространены в среде евразийских nomadов. Истоки горизонтальных сплошных ручек следует искать в материалах каучинской культуры, где подобные ручки-ушки являются результатом развития местных гончарных традиций (Левина Л.М., 1971, с.78-80).

Размеры котлов данного типа относительно небольшие. Обычно они имеют диаметр тулова около 30-40 сантиметров. Надо отметить, что такие размеры могут свидетельствовать об использовании котлов при приготовлении пищи не на костре, а на тандыре или стационарном открытом очаге, выполненном из кирпича или другого материала. В этом случае котлы просто ставились на тандыр или в очаг. Косвенно об этом свидетельствует ха-

рактер сохранности указанных сосудов. Практически всегда сохраняется верхняя часть тулова. При этом фрагменты с сохранившейся донной частью единичны, поскольку донная часть, соприкасавшаяся с открытым пламенем, разрушалась наиболее интенсивно.

Эти черты показывают, что лепными котлами на городище длительное время пользовалось оседлое или полусоседное население, сохранявшее некоторые традиции кочевого быта.

Большая часть котлов этого типа богато орнаментирована. Наиболее распространенными орнаментами являются ногтевые насечки, пальцевые оттиски, оттиски зубчатого штампа, обрамляющие ручку-ушко или расположенные под венчиком. Часто на этих сосудах встречаются прочерченные дуговидные полосы с заполнением и без него, а также "свисающие гирлянды".

Аналоги котлам этого типа находятся на памятниках Волжской Болгарии. Т.А.Хлебникова выделяет указанные формы в IX этнокультурную группу (Хлебникова Т.А., 1984, с.118-121, 225, рис.44, 46, 82, 83). Истоки подобной посуды отмечены ею в керамике памятников отраро-карагаусской культуры (Хлебникова Т.А., 1984, с.118). Появление этой группы керамики на памятниках Волжской Болгарии Т.А.Хлебникова связывает с переселением тюркоязычных nomadов из районов Южного Казахстана и бассейна Сырдарьи. Привлекая сведения ал-Балхи, она соотносит их с гузами-куманами, которые были подвластны волжским болгарам (Хлебникова Т.А., 1984, с.121).

Действительно в материалах средневековых городищ отрарского оазиса выделяется группа котлов со сферическим округлым туловом и сплошными горизонтальными ручками-ушками. Е.И.Агеева и Г.И.Пацевич отмечают распространение данных сосудов в кенгересский период, т.е. в V-VIII вв. (Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1958, с.158-159). Л.М.Левина уточняет, что анализ керамического комплекса в указанный период позволяет сузить его хронологию: кон. VI-VIII в. (Левина Л.М., 1971) Распространение данного типа сосудов в это время позволяет связать их с притоком в бассейн Сырдарьи тюркоязычных nomadов.

Подобные горизонтальные ручки-ушки на котловидных сосудах обнаруживаются в керамике городища Кок-Мардан на Средней Сырдарье (Байпаков К.М., 1986, с.44-45, рис.5, 22). К.М.Байпаков датировал эти слои VI - 1 пол. VII в. (Байпаков К.М., 1986, с.48).

Находки аналогичных котлов со сферическим туловом и горизонтальными ручками-ушками отмечены в материалах памятников Семиречья. Сходные формы зафиксированы в керамической коллекции средневекового Тараза. Т.П.Сениговой

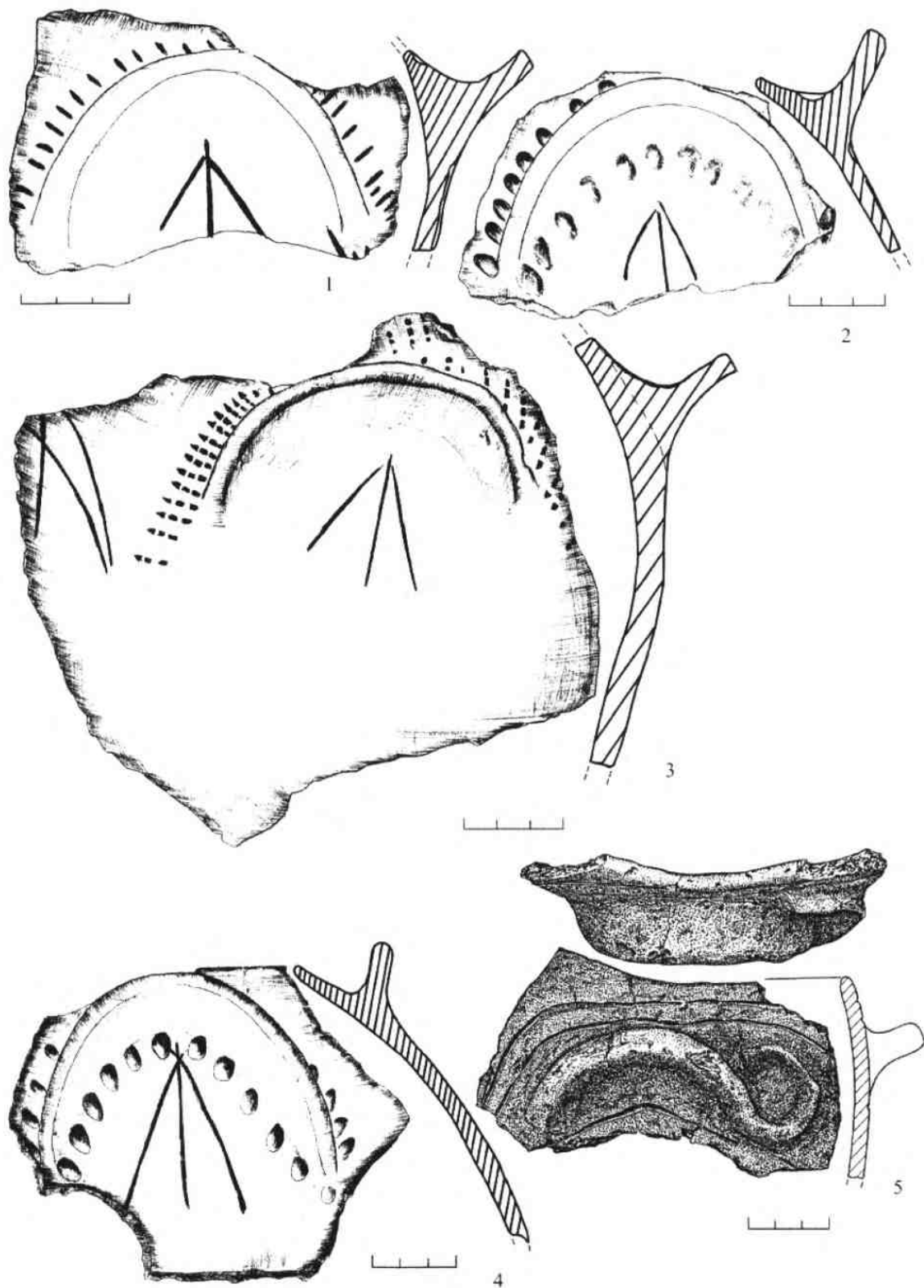

Рис. 1. Лепные котлы I типа.
 Fig. 1. Modelled cauldrons of I type

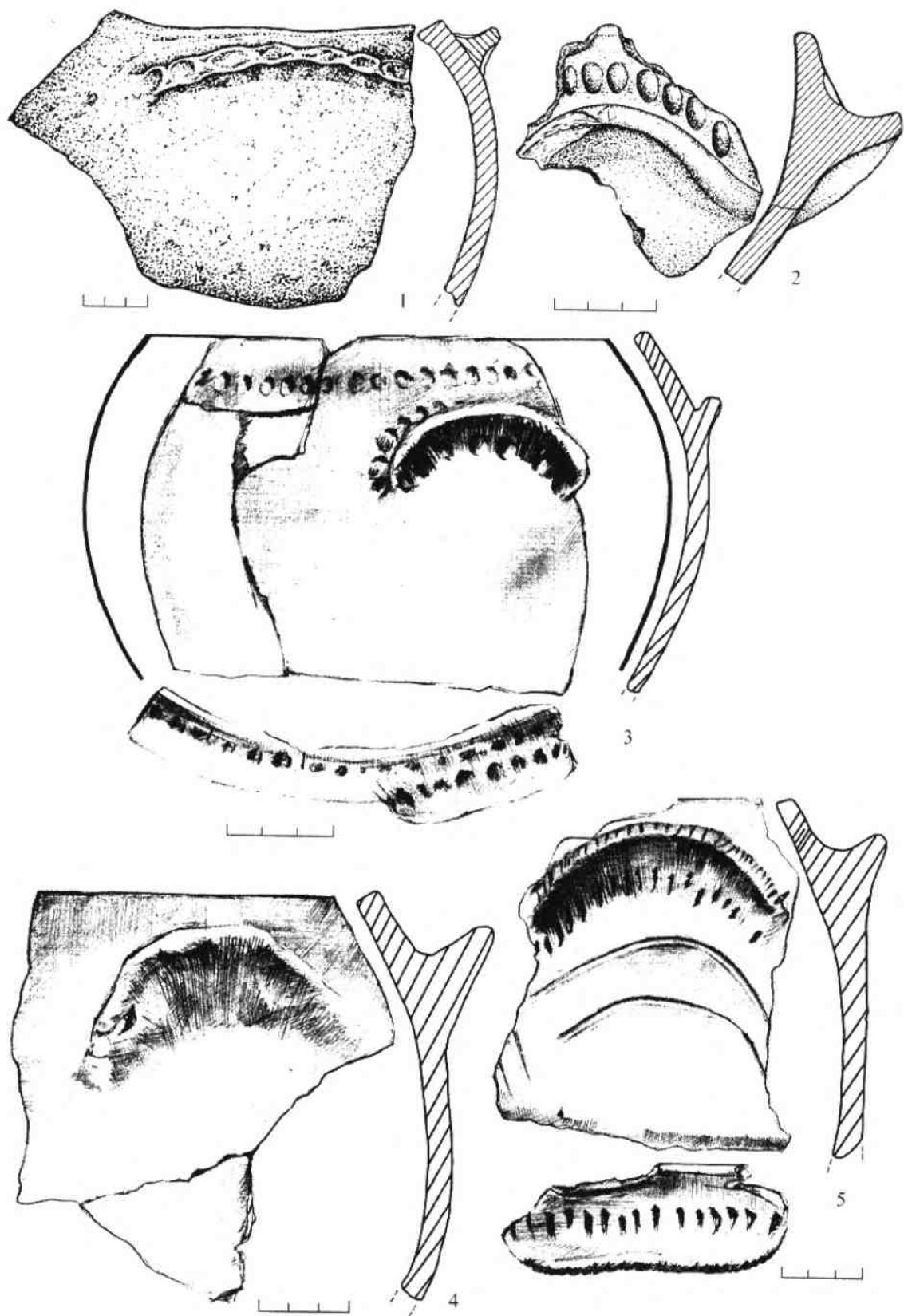

Рис. 2. Лепные котлы I типа.
 Fig. 2. Modelled cauldrons of I type

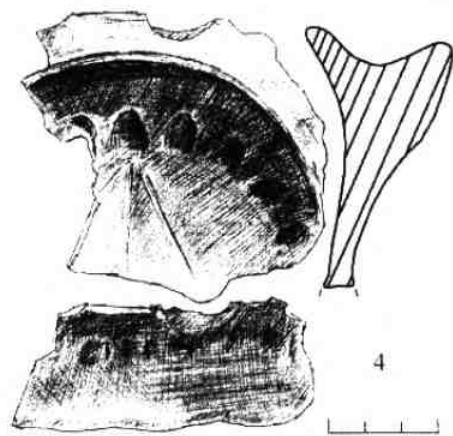
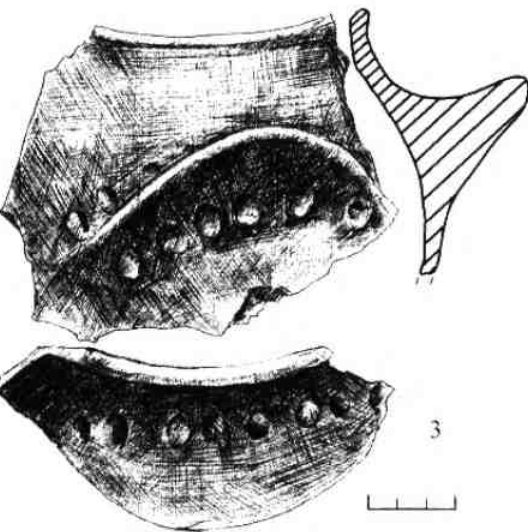
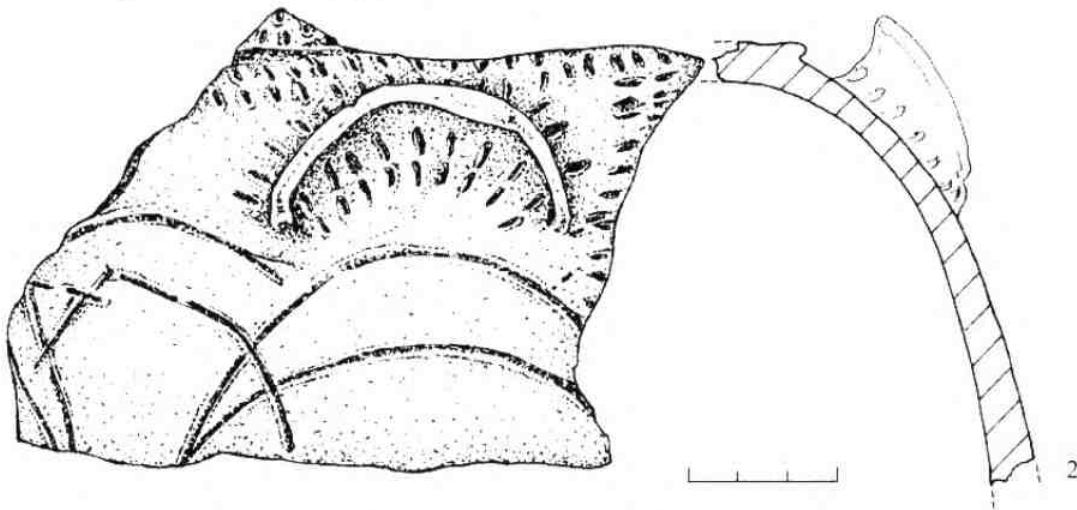
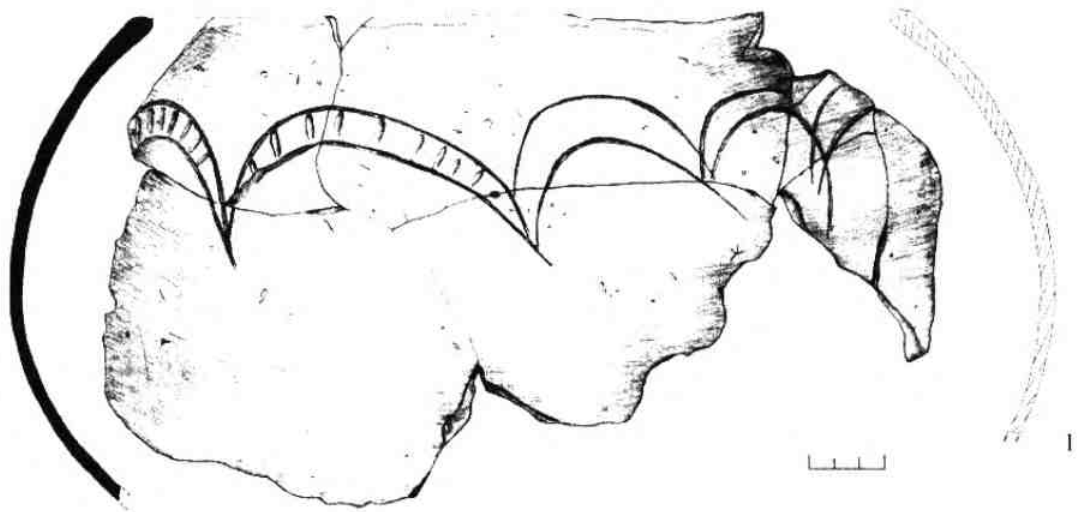

Рис. 3. Лепные котлы I типа.
Fig. 3. Modelled cauldrons of I type

эти формы датируются VIII – нач. IX в. (Сенигова Т.Н., 1972, с.39-40, 91). К.М.Байпаков зафиксировал котлы со сферическим туловом, со скошенным во внутрь венчиком и горизонтальными полудугными ручками в материалах Кулана (Луговое) и Краснореченского городища (Байпаков К.М., 1986, с.61). Он датирует эти сосуды VII-VIII вв. (Байпаков К.М., 1986, с.61-63).

Близкие по форме сосуды обнаружены в керамике городища Касан, расположенном в Фергане. Здесь А.Н.Бернштамом отмечены сосуды со сферическим туловом, уплощенным дном и горизонтальными сплошными ручками (Бернштам А.Н., 1952, с.243). Эту посуду исследователь датировал VI-VIII вв., связывая ее появление с притоком тюркоязычного кочевого населения, указывая на ее отличие от “кушанской” посуды, присущей местному оседлому земледельческому компоненту.

Рассматривая приведенные аналогии, следует отметить, что котлы Самосдельского городища по морфологическим характеристикам гораздо ближе к формам, происходящим из сырдарьинских, семиреченских и ферганских памятников, чем к средневожским. Это позволяет предположить миграции кочевого населения из указанных районов в Нижнее Поволжье. В то же время, несмотря на заметные различия комплексов, этническое родство этого населения с племенами, проникавшими на Среднюю Волгу, представляется очевидным.

Следует отметить декоративную отделку лепных котлов. Они украшались прочерченными дуговидными полосами, орнаментами в виде “свисающих гирлянд”, ручки сосудов часто обрамлялись ногтевыми насечками, пальцевыми оттисками. Подобный декор широко распространен в комплексе лепной керамики вообще. Его можно встретить на горшках, кружках и других формах посуды. Этот факт подтверждает вышеупомянутое предположение, что лепные котлы имеют явные связи с другими категориями лепной посуды и составляют с ними одну группу.

Близкие аналогии указанному декору зафиксированы в орнаментации “роскошного стиля” на кочевнической посуде Саркела – Белой Вежи (Плетнева С.А., 1959, с.230-233, рис.19, 8). В Саркеле орнаментацией “роскошного стиля” украшены лепные сосуды кухонного назначения, схожие по своим характеристикам с керамикой, обнаруживаемой на Самосдельском городище. Здесь эта посуда изготовлялась из плохо промешанного теста с большим количеством примесей. С.А.Плетнева отмечала, что посуда выделялась в коллекции Саркела – Белой Вежи грубым исполнением, характерной орнаментацией. Это свидетельствует о том, что данный комплекс принадлежит группе этнически отличной от основного населения Саркела, кото-

рое представлено артефактами, характерными для салтово-маяцкой культуры. Подобную керамику С.А.Плетнева склонна связывать с огузо-печенегами (Плетнева С.А., 1959, с.236-237).

Соотнося декор и комплекс лепной керамики Самосдельского городища и Саркела-Белой Вежи в целом, следует отметить их неоспоримую близость, что свидетельствует об этническом родстве их носителей. Однако котлы рассматриваемого типа, являясь одной из основных форм в комплексе лепной керамики Самосделки, полностью отсутствуют в материалах Саркела. Это представляется очень важной характеристикой, свидетельствующей об имеющихся этнических различиях населения Саркела и Самосдельского городища.

Отмеченные орнаментационные мотивы достаточно часто встречаются в материалах культуры “болотных” городищ, расположенных в низовьях Сырдарьи. Здесь присутствуют разнообразные композиции с прочерченными границами и точечным заполнением. Они имеют разные формы, в том числе и сходные с зафиксированными на керамике Самосдельского городища (Левина Л.М., 1971, с.82, рис.20, 1/1).

Близкая декоративная отделка обнаружена в раннесредневековых (2-я пол. VII – VIII в.) слоях Ток-калы, в дельте Амударьи (Гудкова А.В., 1964, с.72, рис.19, 15, 17). А.В.Гудкова отмечает близость керамики Кердера к посуде “болотных” городищ, характерной для позднего этапа существования джетысарской культуры, а также афригидского Хорезма (Гудкова А.В., 1964, с.73-74, 124). Такую орнаментацию Е.Е.Неразик связывает с проявлениями культа барана и сближает с такими же налепами, встречающимися на горшках из материалов Кунчи-II (Неразик Е.Е., 1959, с.256; Григорьев Г.С., 1948, с.75, табл.14, рис.100). Появление подобного декора в материалах хорезмских памятников связывается ею с переселением тюркоязычных кочевых и полукочевых групп населения из сырдарьинского бассейна (Неразик Е.Е., 1959, с.258).

Палепные полосы, повторяющие по форме прочерченный дуговидный орнамент с заполнением, встречаются в керамической коллекции слоев VI-VIII вв. городища Касан в Фергане. Здесь эти элементы зафиксированы на лепной кухонной керамике, которую А.Н.Бернштам связывает с тюркоязычными кочевниками. Аналогии данной группе посуды он видит в тюркской кочевнической керамике Шаша и Семиречья (Бернштам А.Н., 1952, с.239, рис.100). Такой же налепной орнамент фиксируется на котлах городища Ак-тобе I, в восточной части Таласской долины. М.А.Бубнова считает, что форма этих сосудов восходит к металлическим котлам сакского времени (Бубнова М.А., 1963, с.138). Отличительной чертой последних является

наличие четырех ручек. Достаточно часто встречается совмещение горизонтальных петлевидных и сплошных ручек. Размещение на тулове котлов из коллекции Ак-тобе I налепных дуговидных полос М.А.Бубнова считает пережитком именно этой традиции. Таким образом, данные декоративные элементы следует рассматривать как схематичное изображение дополнительных ручек на сосуде.

Что касается орнамента в виде прочерченных дуговидных полос, зафиксированного в материалах Самосдельского городища, то его также следует рассматривать как развитие указанной традиции. По всей видимости, изначально размещение таких композиций на тулове сосуда имитировало дополнительные ручки.

Сходные элементы в керамике сырдарьинских культур К.М.Байпаков связывал с проявлением культа барана, интерпретируя их как стилизованные изображения бараньих рогов (Байпаков К.М., 1980, с.35-37). По его мнению, данный культ был характерен для оседлых и кочевых сырдарьинских племен еще с бронзового века. Эта интерпретация не противоречит утверждению о том, что указанный орнамент также является схематичным изображением ручки, так как сами горизонтальные петлевидные витые ручки, горизонтальные сплошные ручки-ушки на лепных котлах связаны с проявлением традиции почитания барана. Некоторые типы горизонтальных ручек имеют характерную изогнутую S-образную форму (рис. 1, 5; 2, 2). Аналогичную форму имеют горизонтальные S-образные налепы, которые традиционно связываются с проявлением культа барана (Григорьев Г.С., 1948, с.74-75, Байпаков К.М., 1980, с. 34-35, рис.1, 8). Естественно, что ручки значительно шире орнаментационной полосы. Подобное сходство указывает на взаимосвязь этих элементов. Можно обоснованно предположить, что они происходят из одной этнической среды и являются стилизованным изображением бараньего рога. Это позволяет с достаточной долей уверенности связывать вышеописанные дугообразные орнаменты с проявлениями традиции почитания барана.

Особо следует отметить частую встречаемость на сосудах этого типа тамги "птичья лапка" (рис. 1, 1-4; 3, 1; 4, 1; 5, 2). Тамга всегда располагается на тулове сосуда, под горизонтальной ручкой-ушком, также возможно ее обрамление прочерченным дуговидным орнаментом или прочерченным гирляндовидным узором. В случае размещения тамги не на котле, а на ином сосуде, она обязательно сопровождается прочерченным дугообразным или гирляндовидным орнаментом. Надо отметить, что подобный декор может встречаться без указанной тамги, а "птичьи лапки" фиксируются исключительно в его сопровождении.

Такая тамга один из самых часто встречаемых знаков на керамике Волжской Болгарии. П.А.Кокорина связывает это изображение с огузскими компонентами в среде волжских болгар (Кокорина П.А., 2002, с.170, 203-204).

Тип II. Котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными прямыми, витыми петлевидными ручками (рис.5, 3, 4; 6-8; 9, 1).

Лепные сосуды со сферическим округлым туловом. На данных котлах фиксируется несколько типов венчиков. Наиболее часто встречается венчик, образованный сильно затертым краем стенки, трапецевидный или прямоугольный в сечении. Он может быть оттянут назад, в результате чего образовывалась маленькая, приподнятая над туловом горловина. Также на них может фиксироваться закраина под крышку. В то же время в рамках данного типа встречаются слабовыделенные венчики, образованные краем стенки, однако, они, в отличие от котлов типа I, не истончены, а как бы обрезаны, прямоугольные в сечении.

Донце у этих котлов, по всей видимости, было округлым. Отличительной чертой данного типа является наличие прямых, витых петлевидных горизонтальных ручек, располагающихся под венчиком сосуда или на его краю. Следует отметить, что выделение в рамках данного типа вариаций ручек сосуда не может являться критерием для дальнейшей градации. По другим морфологическим и технологическим признакам сосуды этого типа практически идентичны. Это свидетельствует об этническом единстве носителей традиции изготовления указанных типов ручек. Данный тезис подтверждается находками на Самосдельском городище горизонтальных треугольных ручек, выполненных из витого жгута.

Размеры этих котлов аналогичны котлам типа I и обычно не превышают 30-40 сантиметров.

Рассматривая эти котлы, следует отметить, что они орнаментированы гораздо беднее, чем сосуды первого типа. Они никогда не украшались орнаментом "роскошного стиля", который присущ котлам типа I. Характерным декором типа II является полоса циркульных оттисков, проходящая между венчиком и ручкой (рис.7, 4). Аналогичная орнаментация из пальцевых вдавлений встречается на лепных котлах с горизонтальной петлевидной ручкой, найденных на городище Шашукум-тобе в слоях VI-VIII вв. Здесь орнаментальная полоса также проходит между ручкой и туловом. Следует обратить внимание на пальцевые вдавления, расположенные в основании ручек. Данный элемент также характерен для сосудов среднеазиатских памятников (рис.8, 3; 9, 1).

Горизонтальные витые ручки рассматриваемых сосудов следует интерпретировать как стилизованное изображение бараньих рогов, что сви-

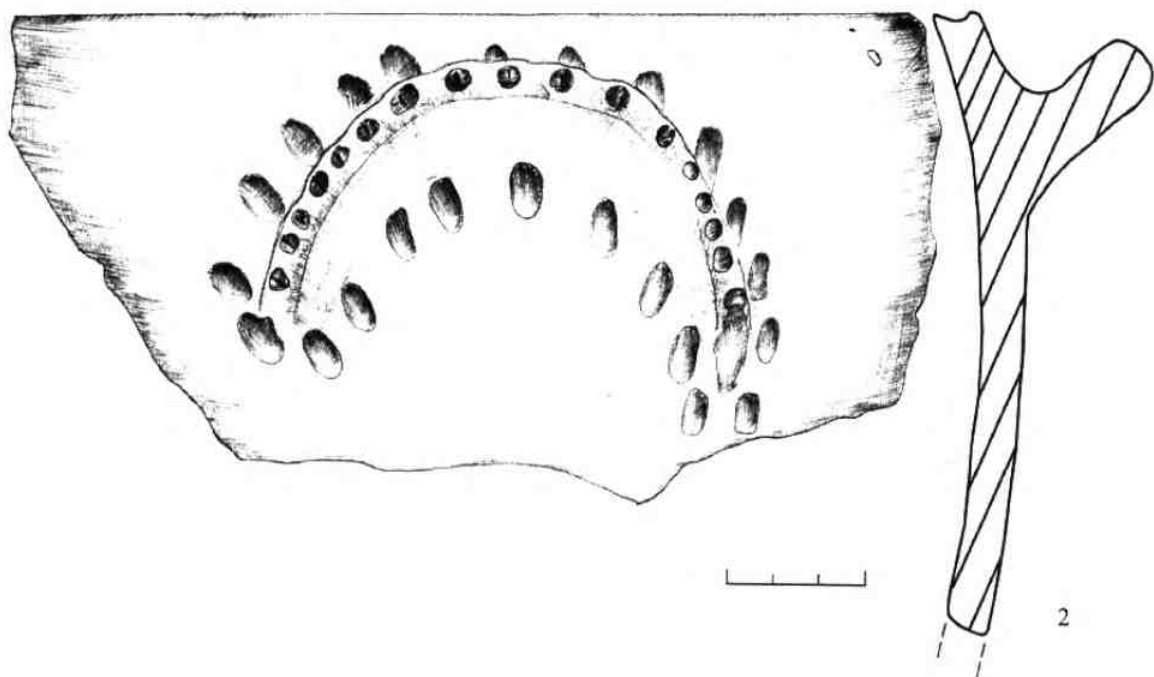
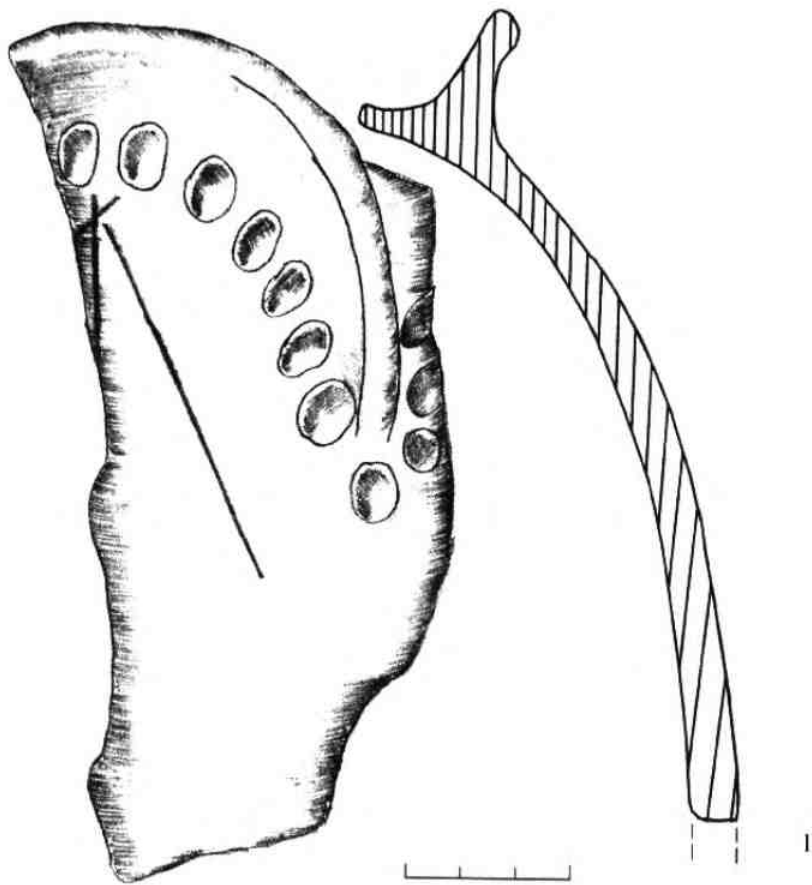

Рис. 4. Лепные котлы I типа.
 Fig. 4. Modelled cauldrons of I type

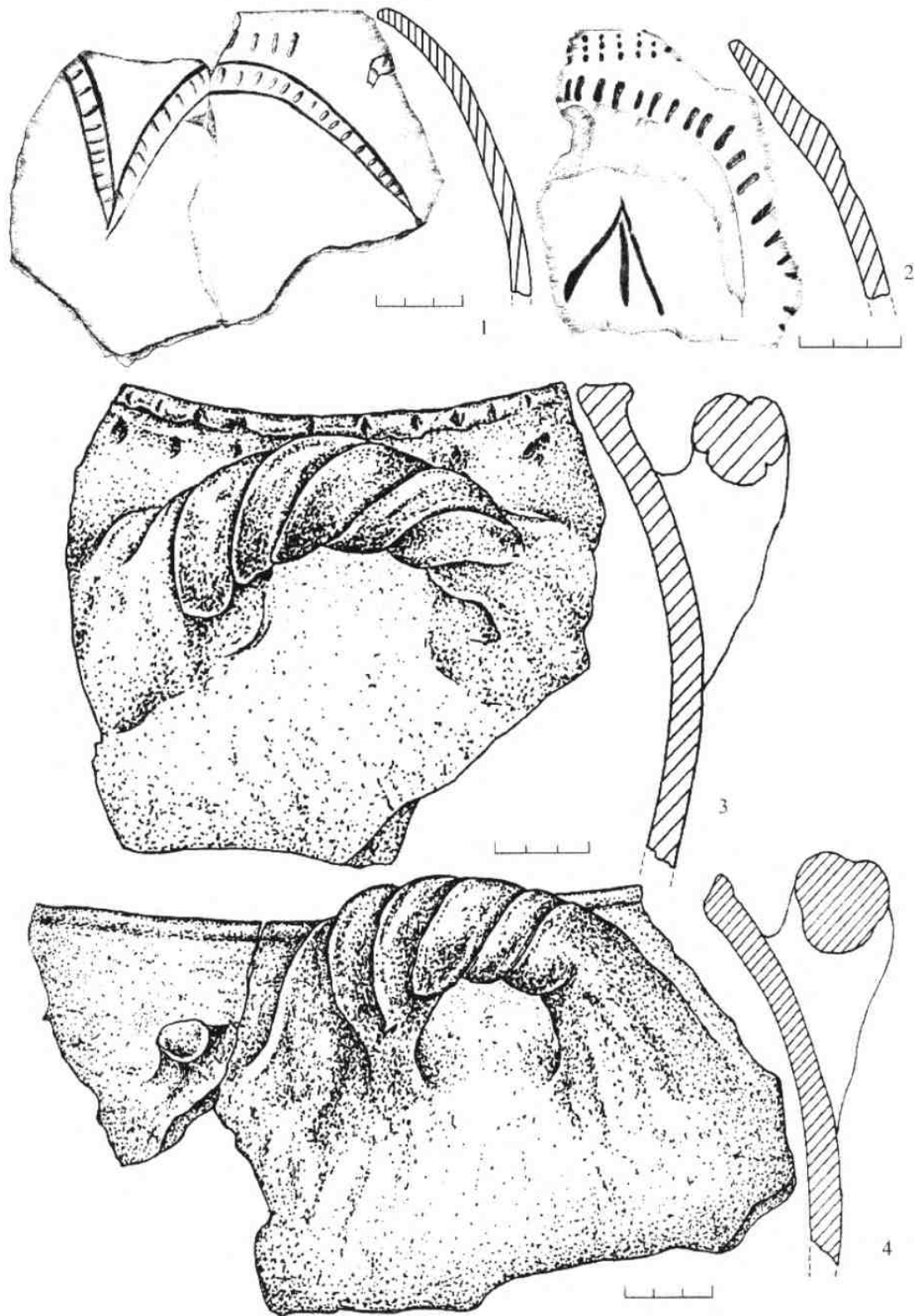

Рис. 5. Лепные котлы: 1, 2 – I тип; 3, 4 – II тип.
 Fig. 5. Modelled cauldrons: 1, 2 – I type; 3, 4 – II type

детельствует о распространении среди носителей данной керамики традиции почитания барана в качестве сакрального животного. Такие представления широко распространяются среди сырдарьинских племен, начиная с первых веков н.э. (Байпаков К.М., 1980, с.44-45).

Полные аналоги котлам этого типа находятся в материалах Кулана (городище Луговое), Краснореченского городища в юго-западном Семиречье (Байпаков К.М., 1986, с.29-31, 61, рис.14), а также в материалах раннесредневековых слоев Тараза (Сенигова Т.П., 1972, с.89, 91). К.М.Байпаков датирует подобную керамику VII-VIII вв. (Байпаков К.М., 1986, с.62). Т.Н.Сенигова на материалах Тараза относит подобные котлы к VIII-IX вв. (Сенигова Т.П., 1972, с.89, 91). Истоки этих форм исследователи видят в кочевнической керамике, в связи с чем интерпретируют их как посуду кочевого тюркоязычного населения (Байпаков К.М., 1986, с.62). Аналогичные горизонтальные витые ручки встречаются на лепных и гончарных горшковидных котлах, обнаруженных на городище Джигербент (Вишневская Н.Ю., 2001, с.35-36, рис.11, 2, 10). Здесь эти сосуды датируются IX веком. Н.Ю.Вишневская также связывает данные сосуды с керамикой тюркоязычных номадов (Вишневская Н.Ю., 2001, с.35).

Следует обратить внимание на резкое отличие котлов с витыми ручками из Джигербента и Семиречья. По всей видимости, Семиречье является исходным центром распространения рассматриваемых элементов, а в материалы памятников Амударьи эти элементы проникают в результате влияния кочевников на материальную культуру оседлого населения.

Особо следует отметить, что подобные сосуды не встречаются в материалах памятников Средней Сырдарьи, что дает основание считать данные котлы признаком локальной культуры районов Южного Казахстана и Семиречья.

Тип III. Котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными петлевидными ручками, треугольными в сечении (рис.9, 2, 3).

Тулово сосуда идентично по форме котлам типа II – сферическое, округлое. Венчик слабо выделен, прямоугольный в сечении, представляет собой как бы обрезанный и слегка затертый край стенки. Донце у этих котлов, по всей видимости, было округлым. В верхней части тулова сосуда располагается горизонтальная петлевидная треугольная в сечении ручка.

Полные аналоги таким котлам обнаруживаются на памятниках восточной части Таласской долины (Бубнова М.А., 1963, с.138). М.А.Бубнова считает, что форма этих котлов восходит к металлическим образцам сакского времени (Бубнова М.А., 1963, с.138).

Вышеописанные типы котлов имеют явную взаимосвязь, указывающую на близкое этническое родство их носителей. Как упоминалось ранее, в рамках описанных типов наблюдается общность технологических характеристик. Особо надо отметить находки лепных котлов с горизонтальными витыми треугольными ручками. Эти элементы наглядно иллюстрируют тесную этнокультурную связь двух последних типов (рис.13).

Тип IV. Котлы с округлым сферическим туловом и венчиком, треугольным в сечении и широким бережком (рис.9, 4, 5).

Сосуды со сферическим туловом, скошенным во внутрь треугольным в сечении венчиком и широким бережком. По бережку венчика обычно нанесен орнамент. Довольно часто встречается прорезной геометрический орнамент в виде многорядной зубчатой полосы. Встречаются сосуды, венчик которых покрыт отпечатками камышинки. Узоры на венчике в виде зубчатых линий встречаются в керамике Кескен-Куюк-калы (Левина Л.М., 1971, с.78). Также аналогичный орнамент фиксируется на сосудах, найденных при раскопках Ток-калы (Гудкова А.В., 1964, с.72). Л.М.Левина отмечает распространение подобных мотивов в материалах памятников стадии Джеты-асар III (Левина Л.М., 1971, с.78). По всей видимости, именно с миграциями постдзетыасарского населения этот орнамент распространяется в районе Нижней Амударьи.

Следует отметить находку фрагмента сосуда с вертикальной петлевидной ручкой с защипами по внешней стороне (рис.9, 5). Скорее всего, эта ручка имитирует зубчатую. Такие ручки широко распространены в керамике средневекового Отрара. Здесь они являются характерным элементом (Акишев К.А. и др., 1972, с.89-90, рис.42, 17). Следует упомянуть находку котла этого типа с горизонтальной сплошной ручкой-ушком. Находки таких сосудов указывают на культурные связи в рамках описываемой категории посуды.

Тип V. Котлы с отогнутым перпендикулярно тулову полочковидным венчиком (рис.9, 6; 10).

Отличительной чертой данных сосудов является отогнутый полочковидный венчик. Данный тип сосудов встречен только во фрагментах, поэтому форма тулова доподлинно не известна. Однако здесь следует отметить, что такие котлы являются подражанием талькохлоритовым формам с аналогичным венчиком. Тулово у каменных прототипов, по всей видимости, широкое, раздутое, казаноподобной формы. Достаточно часто венчики лепных котлов украшались наклепными розетками или отпечатками штампа, имитирующими их, а также разнообразными фигурными наклепами (рис.9, 6; 10, 3). На подобных сосудах распространено размещение округлых петлевидных ручек на венчике

сосуда, перпендикулярно ему. Данная черта также скопирована с каменных образцов. Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что керамические формы повторяли форму каменных образцов.

В рамках данного типа необходимо особо отметить находку фрагмента котла, устье которого имело форму шестиугольника (рис.10, 1). Такая необычная форма еще раз подтверждает происхождение данного типа как подражание каменным сосудам.

Тип VI. Казаноподобные котлы с горизонтальными сплошными ручками (рис.11).

Тулово сосудов данного типа, как и котлов типа V, имеет казаноподобную форму. Венчик этих котлов образован краем стенки, скошен вовнутрь. Одной из отличительных черт является наличие маленьких горизонтальных сплошных ручек. Ручки могут быть прямоугольной или треугольной формы. Встречается орнаментация ручек ногтевыми насечками, нанесенными по краю. Этот тип котлов также имитирует каменные талькохлоритовые образцы. На последних фиксируются аналогичные маленькие горизонтальные ручки.

Следует особо остановиться на вопросе удельного веса каждого типа в керамической коллекции городища и их распределения по слоям.

Котлы типа I являются наиболее распространенными не только в рамках данной категории посуды, но и вообще в комплексе лепной керамики. Этот тип распространен на протяжении всего периода существования городища. В целом подобные котлы следует считать одним из характерных типов посуды на памятнике. Сосуды типов II, III встречаются значительно реже, и их удельный вес в рамках данной категории посуды довольно незначителен. Указанные типы встречаются исключительно в нижних, предматериковых слоях городища, полностью отсутствуя в основной части культурных напластований памятника. В этих слоях количественная выборка указанного типа котлов значительно увеличивается. Данная характеристика представляется важной для датировки памятника и определения истоков комплекса лепной кочевнической керамики Самосдельского городища. Типы IV-VI представлены незначительным количеством фрагментов, а их распространение в культурных слоях не позволяет на данном этапе изучения выделить какие-либо закономерности.

* * *

Рассматривая комплекс лепных котлов Самосдельского городища можно сделать ряд выводов. Прежде всего, следует отметить его уникальность для памятников Восточной Европы. Анало-

гии в материалах европейских памятников, несмотря на наличие очевидно сходных элементов, представляются довольно отдаленными. Более близкие формы обнаруживаются в среднеазиатских материалах. Это обстоятельство представляется очень важным для понимания истоков данной категории посуды, а также генезиса комплекса лепной керамики Самосдельского городища вообще.

Судя по приведенным аналогиям, ареал распространения котлов типа I охватывает значительные территории Средней Азии: бассейн Сырдарьи, Семиречье, Ферганскую долину. Во всех указанных районах появление этих форм связывается с проникновением тюркоязычных nomadов, что позволяет говорить: подобный тип сосудов присущ большей части западнотюркских племен.

Выделение котлов типа II, III и анализ их морфологических характеристик свидетельствует о фиксации в материалах городища комплекса семиреченского происхождения. Большое значение имеет высокая степень сходства форм Самосдельского городища и материалов памятников Семиречья. Это свидетельствует о переселении тюркоязычных nomadов в Нижнее Поволжье. Также следует отметить, что бытование котлов этого типа в Семиречье имеет относительно ограниченные хронологические рамки. Как уже было упомянуто выше, исследователи датируют подобные котлы VII-IX вв. (Байпаков К.М., 1986, с.62; Сенигова Т.И., 1972, с.89, 91). По всей видимости, исчезновение таких форм следует связывать с переходом к оседлому быту тюркоязычных nomadов. Уже говорилось, что на Самосдельском городище котлы этих типов распространены исключительно в нижних слоях, поэтому можно предположить, что распространение котлов с подобными ручками в материалах Самосдельского городища следует датировать IX-X вв.

Особый интерес представляет вопрос этнической интерпретации выделенных типов котлов. Как уже было отмечено, они составляют связанный комплекс с остальной лепной посудой городища. Поэтому для понимания происхождения рассматриваемой категории посуды логично проанализировать комплекс в целом.

Аналогии лепной керамике городища находят в материалах целого ряда средневековых памятников, расположенных в Восточной Европе. Прежде всего, здесь надо отметить наличие сходных форм в комплексе кочевнической керамики Саркела. На Самосдельском городище находят аналогичные лепные кружки, горшковидные сосуды, крышки с высокой пестиковидной ручкой. Эта группа керамики из Саркела в целом характеризуется более грубым исполнением: превалирует костровой обжи; грубый замес теста, большое количество примесей. В материалах Самосдельского городища

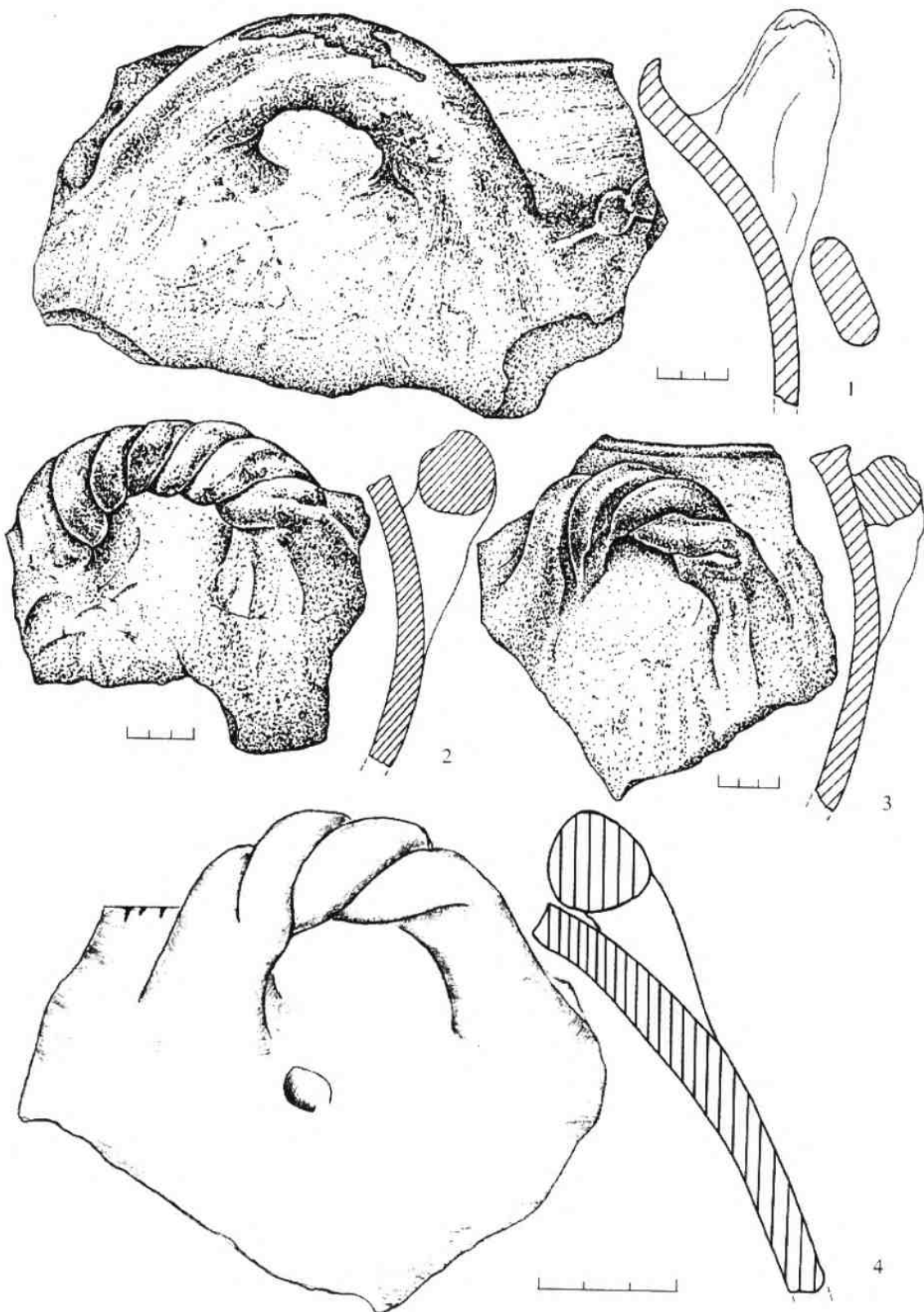

Рис. 6. Лепные котлы II типа.
 Fig. 6. Modelled cauldrons of II type

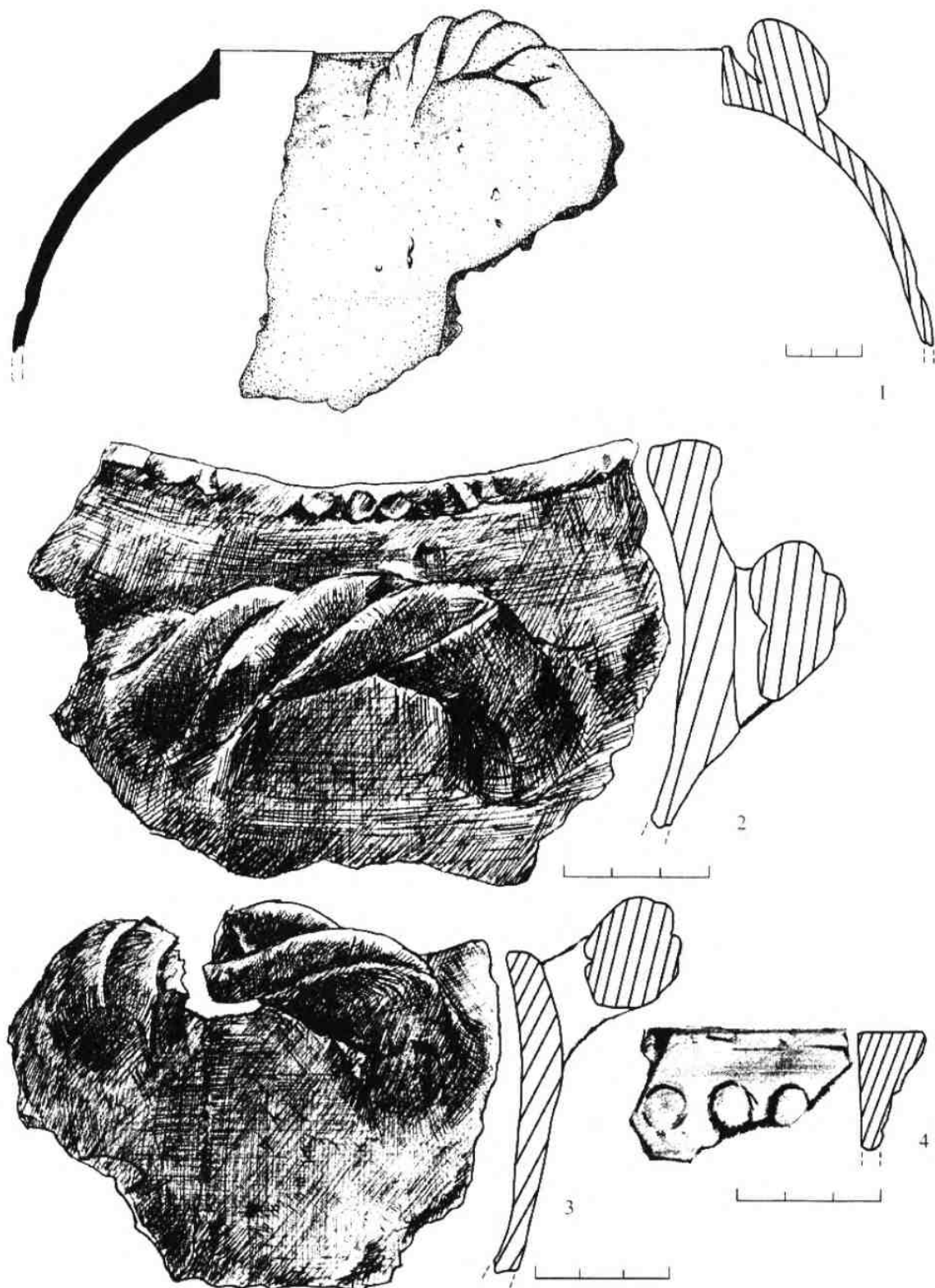

Рис. 7. Лепные котлы II типа.
Fig. 7. Modelled cauldrons of II type

встречаются формы с такими характеристиками, однако, в комплексе лепной керамики их меньшинство. Здесь преобладают сосуды, выполненные из теста более лучшего промеса, с меньшим количеством примесей, ровного обжига красных тонов, полученного, по всей видимости, в обжигательной яме. На последнее указывает наличие темных прослоек на изломе черепка, часто весь излом черепка темно-серого цвета, при этом поверхность имеет ровный цвет красных тонов. Однако необходимо отметить тесную связь этих двух групп. Об этом свидетельствует общность форм, сходный набор примесей (органика, шамот, в керамике Самосдельки раковина), общность отмеченных выше декоративных мотивов. Такая орнаментация резко выделяется на фоне отделки болгарской, аланской керамики, распространенной в Восточной Европе, что делает ее важным этно-маркирующим признаком.

Обозначенное сходство керамики двух памятников дает основание предполагать этническое родство носителей данных традиций. В то же время полное отсутствие в материалах Саркела лепных котлов указывает и на имеющиеся этнокультурные различия.

Похожая керамика обнаруживается в материалах болгарских памятников Среднего Поволжья. Т.А.Хлебникова относит подобную посуду ко II этнокультурной группе. Ее истоки она видит в кочевнической керамике, отмечая ее близость с керамикой нижних слоев Таманского городища, слоя IX века Саркела и степных болгарских племен VIII-IX вв. (Хлебникова Т.А., 1984, с.192). На материалах памятников Среднего Поволжья Т.А.Хлебникова выделяет два культурно-хронологических периода в существовании данной керамики. В рамках первого периода такая посуда относится ею к наиболее архаичным типам болгарской посуды. Она была распространена на раннеболгарских памятниках и датируется исследовательницей не позднее IX века. Однако, уже начиная с X в., Т.А.Хлебникова отмечает в этой керамике новые черты, появление которых исследовательница склонна связывать с огузо-печенежскими племенами (Хлебникова Т.А., 1984, с.217-219).

Впервые этническая интерпретация рассматриваемой лепной керамики была предложена С.П.Толстовым, когда в 1946 г Хорезмской археологической экспедицией были обследованы городища Джанкент (Янгикент), Куюк-Кескен-кала и Большая Куюк-Кала. Анализируя полученные в ходе этих разведок материалы, С.П.Толстов высказал мнение, которое продолжает бытовать и у большинства современных исследователей, о принадлежности "болотных городищ" огузам и интерпретировал подобную керамику в качестве огузской. При этом исследователь отмечал неоднородность огузского населения, указывая на

несколько этнокультурных компонентов (Толстов С.П., 1947, с.69-70).

Полученный в ходе раскопок Саркела представительный комплекс лепной керамики с орнаментом "роскошного стиля" С.А. Плетнева, как указывалось выше, была склонна связывать с огузо-печенегами (Плетнева С.А., 1959, с.236-237). М.И.Артамонов, соотнося данные погребального обряда и сведения о политической обстановке в степях Восточной Европы в X в., связывает данную керамику с огузами (Артамонов М.И., 1958, с.77). Т.А.Хлебникова, привлекая сведения ал-Балхи, связывает появление в Среднем Поволжье керамики IX этнокультурной группы с миграциями гузов-куманов, которые по сведениям упомянутого арабского автора, в начале X века были подвластны болгарам (Хлебникова Т.А., 1984, с.118-121).

Авторы исследований Самосдельского городища, привлекая аналогии из районов Нижней и Средней Сырдарьи, соотносят подобную керамику с оседлыми или полuosедлыми племенами, входящими в огузский союз (Зиливинская Э.Д. и др., 2003, с.112).

Необходимо отметить мнение группы археологов (В.А.Иванов, Г.Н.Гарустович, Е.В.Круглов), которые подчеркивают кочевой образ жизни огузских племен, отрицая проникновение в их среду традиций оседлости. Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов относят лепную керамику с пышной, в том числе и с зооморфной, орнаментацией к оседлым племенам нижнего и среднего течения Сырдарьи, отделяя их от собственно огузов (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.98). Е.В.Круглов, основываясь на находке лепного сосуда с гирляндоподобным орнаментом в погребении 12 кургана 32 могильника Бахтияровка-1 и соотнося его с другими характеристиками погребального обряда, связывает керамику этого типа с печенегами (Круглов Е.В., 2005а, с.164-165).

Таким образом, первичный анализ комплекса лепной керамики Самосдельского городища в целом позволяет связать его с огузо-печенежскими племенами. Это утверждение относится и к лепным котлам. Привлечение некоторых сведений из ранней истории огузов позволяет уточнить и конкретизировать данный вывод. В связи с этим необходимо привести краткий обзор основных этапов сложения огузского объединения.

Ранняя история огузской конфедерации и вопросы этнической интерпретации некоторых типов лепных котлов Самосдельского городища

Рассматривая формирование огузского союза, необходимо остановиться на происхождении и зна-

чении этнонима "огуз". В историографии утвердилась вполне обоснованная версия С.П.Толстова, видевшего в этнониме "огуз" первоначально термин, обозначающий народ или племя вообще. Такое понимание этнонима представляется верным. Л.Н.Гумилев отмечает, что огузами назывались лишь небольшие достаточно однородные по своей структуре и крепко сплоченные племенные образования. Исходя из этого, наиболее верно трактовать термин "огуз" как "племя", "общность", "народность". Такая интерпретация, по всей видимости, вытекает из значения этого этнонима в качестве самоназвания многочисленных тюркских племен. В связи с этим он наиболее часто употреблялся для обозначения относительно небольшой, сплоченной родовой группы, что подтверждается возникновением таких этнонимов как "токуз-огуз" = "9 огузов" (уйгуры), "уч-огуз" = "3 огуза" (карлуки) (Гумилев Л.Н., 2005, с.69-70). По мнению С.Г.Кляшторного, этноним "огуз" является самоназванием племен, входивших в телесский союз, и восходит к более архаичной форме "огур" (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.60).

Ранняя этническая история огузов остается сложным и малоизученным вопросом. Е.В.Круглов, по всей видимости, на основании совпадения этнонимов связывает сложение огузского объединения с эволюцией конфедерации токуз-огуз. По его мнению, миграцию огузских племен, их приход в сырдарьинские степи следует связывать с образованием Второго Тюркского каганата. В результате серии тяжелых поражений от тюрков огузские роды откочевывали на запад (Круглов Е.В., 2005б, с.38). Данная гипотеза, характеризующая формирование и ранний этап этнической истории огузов, представляется довольно спорной. Вышеприведенный анализ значения этнонима "огуз" свидетельствует о том, что он был широко распространен в среде телесских племен, а его бытование не может рассматриваться как признак каких-либо этнокультурных связей.

Тексты рунических памятников в честь героев Второго Тюркского каганата Бильге-кагана, Кюльтегина и Тоньюкука действительно свидетельствуют о жестоких и непримиримых войнах племен, входивших в объединение токуз-огуз, и тюркского правительства. Однако данные тексты показывают, что огузские племена после образования каганата сохраняют за собой значительные территории. Лишь после тяжелых поражений в ходе восстаний целый ряд токуз-огузских племен откочевывает на юг в Китай, где для переселенцев создают новые округа (Кляшторный С.Г., 1964, с.36, 38). Через несколько лет в результате притеснений со стороны танской администрации практически все эти племена вернулись под власть тюркского кагана на

места прежних кочевок (Кляшторный С.Г., 1964, с.39). Следует сказать, что на рубеже VII-VIII вв. на руинах Западно-тюркского каганата в Семиречье образовалось Тюркешское государство. История этого образования наполнена жестокими войнами с соседями, а также внутренними распрями. Одним из главных противников Тюркешского каганата являлась Тюркская империя. В нач. VIII в. по приказу Капаган-кагана тюркские войска под командованием Тоньюкука, Кюльтегина, Бильге-кагана совершают серию успешных походов на запад и распространяют власть Второго Тюркского каганата на территорию, подчинявшуюся тюркешам (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.102-103). В связи с этим представляется довольно сомнительной откочевка значительных масс токуз-огузов в этот район.

На наш взгляд, большой интерес представляет мнение С.Г.Агаджанова о том, что ранний период сложения огузской конфедерации связан с районами Семиречья (Агаджанов С.Г., 1977, с.80-83; 1969, с.127; 1991, с.5). Данную точку зрения разделяет С.Г.Кляшторный (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2004, с.115).

В средневековых исторических преданиях отмечается, что ставка одного из первых легендарных предков огузских племен находилась на побережье озера Иссык-Куль. Интересно также отметить, что еще в XI в. среди огузов сохранялись предания о далеких временах, когда они жили по соседству с чигили. Махмуд Кашгарский отмечает, что между огузами и чигили были враждебные отношения. Тюрки-чигили, входившие в VII-VIII вв. в состав Западно-Тюркского каганата, жили на южном берегу Иссык-Куля. Также здесь надо отметить упоминание распространенной в сочинениях арабских авторов легенды о "дождевом" камне территорий в районе Иссык-Куля в качестве прародины огузов (Агаджанов С.Г., 1969, с.127). Привлекает к себе внимание легендарное сообщение, которое помещает родину Огуз-хана в Таласе (Агаджанов С.Г., 1969, с.127).

О сохранении в среде западнотюркских племен самоназвания "огуз" свидетельствует поминальная надпись Бильге-кагана. Весной 724 года тюркское войско, во главе которого стоял Бильге-каган, отправилось в поход против "уч-огузов", под которыми следует понимать карлуков (Кляшторный С.Г., 1964, с.41). Эти сведения очень показательны в связи с тем, что тюркские историографы хорошо знали названия тюркоязычных народов и называли их в соответствии с самоназваниями.

В 752 г начинается война между Уйгурским каганатом и мощной коалицией, в которую вошли карлуки, басмылы, кыргызы. Карлуки в данном конфликте преследовали далеко идущие цели. Кар-

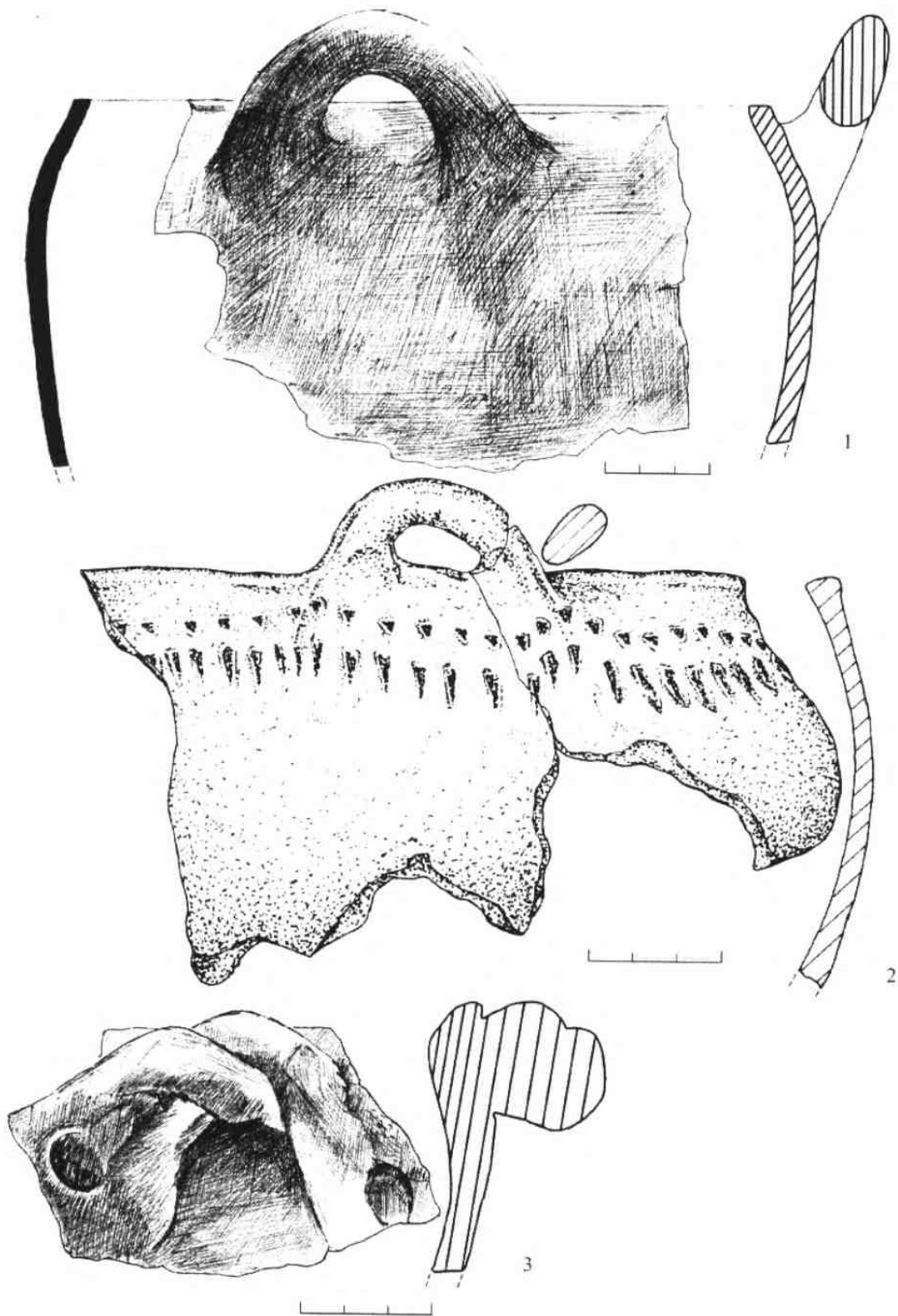

Рис. 8. Лепные котлы II типа.
 Fig. 8. Modelled cauldrons of II type

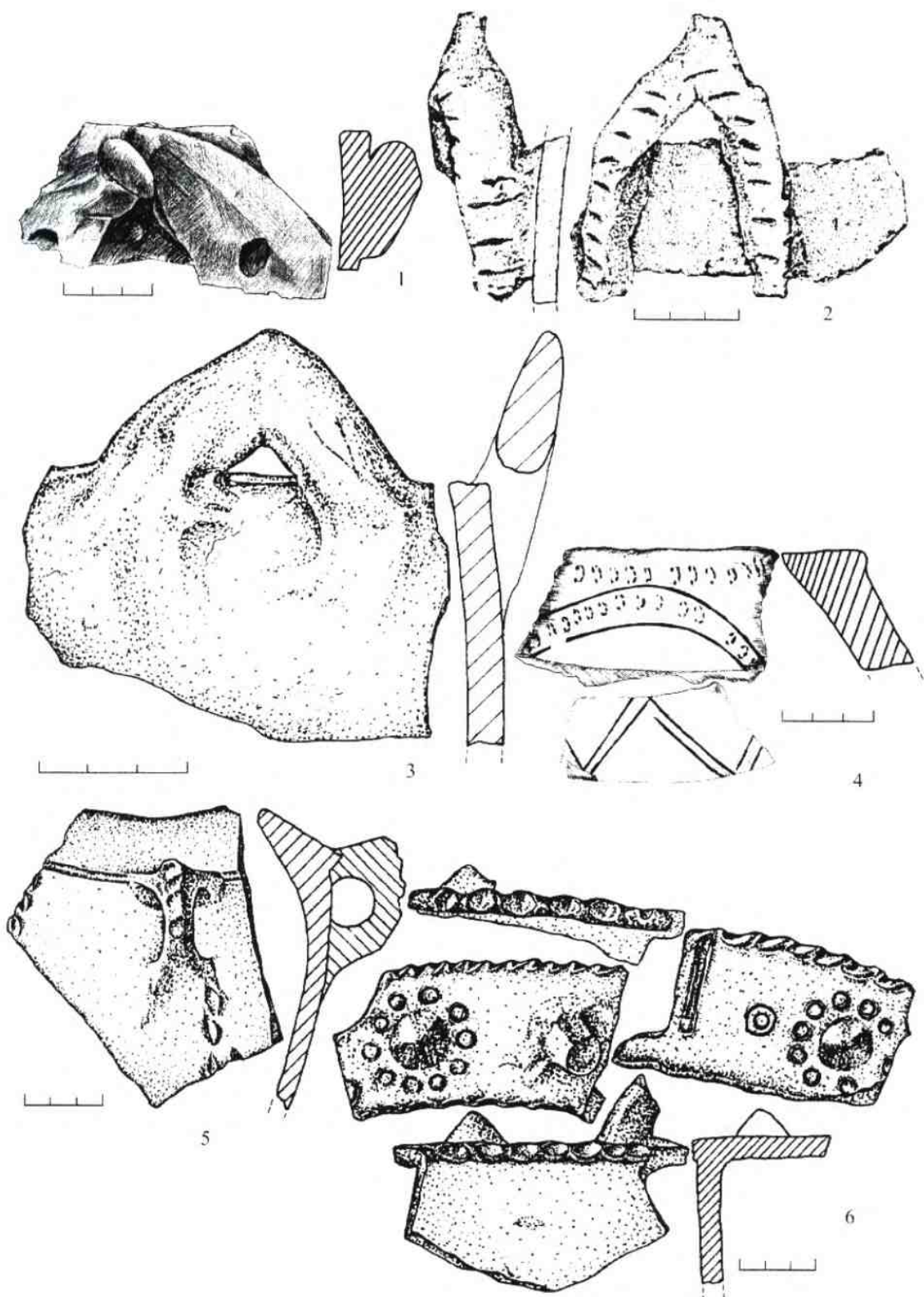

Рис. 9. Лепные котлы: 1 – II мин; 2-3 – III мин; 4-5 – IV мин; 6 – V мин.
 Fig. 9. Modelled cauldrons: 1 – II type; 2-3 – III type; 4-5 – IV type; 6 – V type

лукский ябгу мечтал захватить Отыюкенскую чернь и стать наследником великих тюркских каганов. В ходе жестоких столкновений коалиция племен, созданная карлуками, терпит поражение, и они вынуждены отступить в Семиречье и Восточный Туркестан. По сообщениям письменных источников, карлуки встретили здесь ожесточенное сопротивление местных тюркских племен.

Согласно сообщениям письменных источников, в огузскую конфедерацию входило несколько тюркских племен: халаджи, джагра (шагра), тюрки-чаруки (Агаджанов С.Г., 1977, с.80-83). Особый интерес представляют данные, касающиеся истории тюрк-чаруков. В VIII в. данное объединение локализуется в долине рек Чу и Талас. Центром их владений был богатейший город Тараз. В источниках он известен как "город славных и благословенных тюрк-чаруков" (Кляшторный С.Г., 1964, с.131). Однако в 766 г карлуки берут Тараз штурмом. В более позднее время, в период существования Караханидского каганата, Тараз упоминается как резиденция предводителя чигилей (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.120). Эти данные дают основания предполагать, что чаруки были вытеснены из прежних районов проживания в результате карлукской экспансии. В свою очередь, это позволяет предположить, что в состав огузской конфедерации вошли племенные объединения, обитавшие во 2-й пол.VIII в. в районе Семиречья и покинувшие эти территории в результате военной экспансии карлуков. По мнению С.Г.Агаджанова, союз присырдарьинских огузов начал формироваться еще на территории Семиречья (Агаджанов С.Г., 1977, с.80-83).

Кроме этого, в данное объединение входит этнический субстрат восточно-тюркского происхождения. Наиболее важную роль здесь сыграли отдельные крупные подразделения йемеко-кимакских и других племен (Агаджанов С.Г., 1977, с.80-83). О близких контактах и совместном кочевании у кимаков и огузов сообщали Ибн Хаукаль, ал-Масуди, ал-Марвази, Бируни (Плетнева С.А., 1990, с.27-29). Здесь надо отметить племена баюндуров, имуров-эймюров, каи (Толстов С.П., 1947, с.79). Скорее всего, сначала эти подразделения были союзниками огузских вождей в их борьбе с печенего-кангарским объединением в долине Сырдарьи и Приаралье. Однако позже, после разгрома печенегов, они инкорпорировались в состав огузов.

Определение исходного района формирования огузской конфедерации позволяет уточнить этническую интерпретацию вышеописанных лепных котлов типов II, III, ближайšie аналогии которым находятся в керамике памятников Семиречья. Они могут быть связаны с собственно огузами, т.е.

тюркскими племенами, проживавшими в указанном районе и составившими костяк нового племенного союза.

Выявление типов котлов, соотносимых с огузским этническим компонентом, ставит на первое место вопрос о механизме сложения этого уникального для памятников Восточной Европы комплекса. Для решения данной задачи представляется перспективным провести сравнительный анализ комплекса лепных котлов Самосдельского городища с лепной керамикой Саркела-Белой Вежи, как одного из крупнейших памятников средневековых кочевников, а также с коллекцией аналогичных сосудов, происходящих из днестро-карпатского региона.

Сравнительный анализ комплекса лепных котлов Самосдельского городища с керамикой Саркела-Белой Вежи и посудой памятников средневековых кочевников Нижнего Подунавья и Поднестровья

Выявление в слоях Саркела-Белой Вежи представительной выборки артефактов, которые можно связать с кочевыми огузо-печенежскими племенами, указывает на то, что вопросы бытования этих этносов в степях Восточной Европы следует рассматривать в тесной взаимосвязи с политической историей Хазарского каганата. Материалы этого памятника являются ключевыми для правильного понимания этнокультурной и политической истории огузо-печенегов в данном регионе. Уникальность Саркела состоит в том, что это комплекс, включающий в себя поселение и могильник, которые имеют неоспоримую связь.

Исследования 1949-1951 гг Саркела-Белой Вежи носили охранно-спасательный характер. Это обусловило большие объемы данных работ, что позволило исследовать более половины крепости, а также большую часть окружающих ее могильников (Артамонов М.И., 1958, с.6).

Как уже упоминалось выше, изучение материалов, полученных в ходе исследований Саркела и, прежде всего, керамической коллекции, показало, что население крепости состояло из двух групп. Первая, наиболее многочисленная, представлена гончарной керамикой салтовского типа и может быть соотнесена с племенами, составлявшими основу населения Хазарского каганата – аланами и болгарами.

Вторая группа представлена в материалах памятника описанной выше лепной керамикой "роскошного стиля", имеющую в том числе и зооморфный декор. Эти материалы компактно локализируются в хорошо укрепленной цитадели крепости, прак-

тически не выходя за ее пределы, таким образом, представляя собой очень выразительный комплекс. Кроме керамики, в этой части памятника были обнаружены сооружения, характерные для кочевников, – остатки вымоствок для юрт, перестроенные сооружения, по всей видимости, использовавшиеся под конюшни. Особо надо отметить тот факт, что данный комплекс располагается на материке, не имея подстилающего салтовского слоя (Артамонов М.И., 1958, с.35-37).

Как было сказано, М.И.Артамонов связывал эти материалы с наемным гарнизоном Саркела, состоявшим, по его мнению, из огузов (Артамонов М.И., 1958, с.32-37, 77). Отсутствие предшествующих слоев дает основание утверждать, что кочевой гарнизон Саркела появился с момента строительства крепости. Надо отметить, что шатадель относится к участкам наиболее ранней застройки. Таким образом, основываясь на известной дате построения Саркела, проникновение огузо-печенегов в степи Восточной Европы можно датировать не позже I-й трети IX века. Отсутствие представительной выборки погребальных памятников, соотносимых с огузами, в степях Восточной Европы, датирующихся нач. IX в., свидетельствует об ограниченном проникновении данных племен в этот период. В этой связи уместно будет предположить, что эти группы проникали на территорию Хазарского каганата в качестве наемников царя-бека (Артамонов М.И., 2002, с.331). Находки похожей посуды на Самосдельском городище позволяют говорить, что в этот период огузские племена проникают и в низовья Волги.

В древнерусское время М.И.Артамонов отмечал распространение материалов, характерных для культуры кочевников, на территории всего городища. К этой группе находок он относит лепную керамику с орнаментом “роскошного стиля”, квадратные, круглые печи со столбом посередине и глиняной крышкой, продолжающие традицию очагов-сандалов, жилища со стенами из двойного, забутованного глиной плетня (Артамонов М.И., 1958, с.60-61). Здесь надо особо отметить, что материалы городища свидетельствуют об устойчивости и преемственности материальной культуры тюркоязычного кочевого населения в хазарское и древнерусское время (Артамонов М.И., 1958, с.61). Это свидетельствует об этнической однородности кочевого населения Саркела-Белой Вежи во времени и отсутствии инфильтрации в его среду иноэтничных компонентов.

Последний вывод представляется очень важным. Это связано с тем, что исследованный кочевнический могильник в округе Саркела-Белой Вежи датируется кон. IX – XI в. (Плетнева С.А., 1963, с.258). Однако, учитывая данный вывод, его материалы

можно привлекать для этнической идентификации кочевого гарнизона и в более раннее время.

В результате исследований в Саркеле и в его ближайшей округе было выявлено два значительных участка могильника. Первый, расположенный вдоль наружной стороны крепостного рва, является городским кладбищем рядового населения Белой Вежи XI века. Второй участок могильника располагался южнее первого на довольно ограниченной площади размерами 300×200 метров. Эта часть некрополя представляла собой около 70 небольших насыпей высотой от 0,1 до 0,5 метра. Как показали последующие исследования, данные насыпи были устроены над индивидуальными кочевническими погребениями. Всего в период с 1934 по 1951 год в ходе раскопок кочевнического могильника было исследовано 44 погребения, кроме этого, 9 погребений средневековых кочевников было обнаружено на городском кладбище (Плетнева С.А., 1963, с.216).

В настоящее время отечественные археологи в своих работах выделили основные отличительные особенности погребального обряда огузов (Кригер В.А., 1986; 1993; Иванов В.А., 1993; Круглов Е.В., 2001б). Главным признаком огузского погребального обряда исследователи считают сопровождение покойного шкурой коня, у которого конечности отчленялись по первой или второй скаковой сустав. Важной характеристикой считается расположение конских останков над погребенным. В число особо значимых признаков отнесены находки набора особых украшений: копоушек, птицевидных, крыловидных нашивок и привесок. В настоящее время указанные характеристики считаются основными чертами, выделяющими огузские захоронения из комплекса средневековых кочевнических погребений (Кригер В.А., 1993, с.134-137; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.94; Круглов Е.В., 2001а, с.59-60).

Изучение этой проблемы позволило археологам выделить и основные черты печенежского погребального обряда. Основным его признаком считается расположение чучела или шкуры коня сбоку (как правило, слева) от погребенного, на одном уровне с ним, либо на невысокой ступеньке. Также одним из признаков данной группы захоронений являются частые находки полных комплектов или частей поясных наборов (Иванов В.А., 2002, с.319-320; Круглов Е.В., 2001а, с.60).

Ранее в историографии уже отмечалось, что анализ погребального обряда захоронений кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи показывает смещение указанных черт (Гарустович Г.Н., Иванов А., 2001, с.113). В большинстве погребений, сопровождавшихся костями коня, они зафиксированы слева на одном уровне с погребенным. Однако встречаются погребения с размещением останков коня над покойником. Также стоит отме-

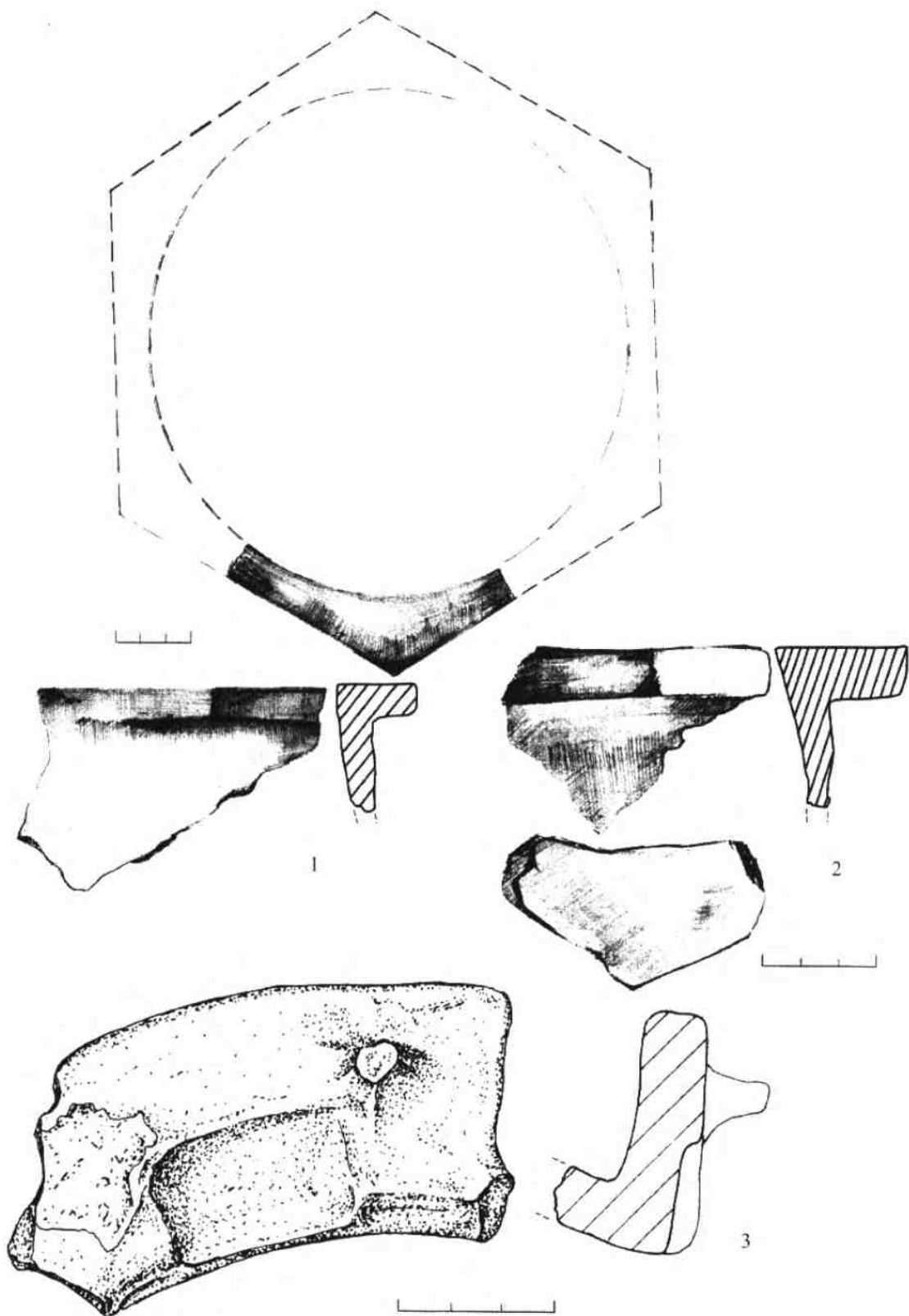

Рис. 10. Лепные котлы V типа.
 Fig. 10. Modelled cauldrons of V type

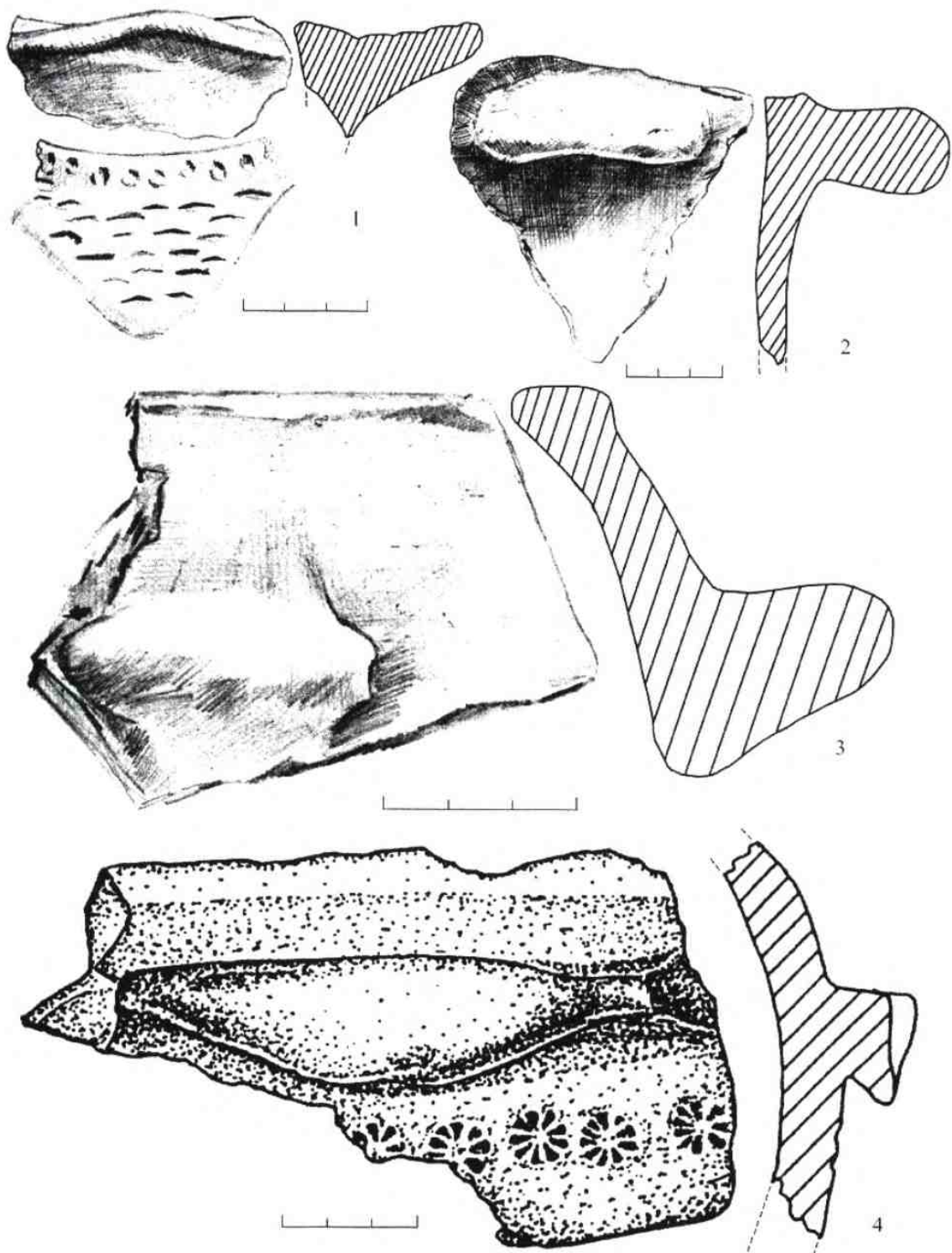

Рис. 11. Лепные котлы VI типа.
 Fig. 11. Modelled cauldrons of VI type

тить находки в некоторых погребениях бронзовых и железных копоушек и птицевидных нашивок. Особый интерес представляет находка фрагмента железной крыловидной нашивки в кургане 21. В данном захоронении слева от покойного на одном уровне с ним, располагались останки коня. Надо отметить наличие в этом захоронении остатков гроба, что считается характерным для огузского погребального обряда.

Таким образом, данные кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи свидетельствуют, что основу гарнизона крепости в хазарское и русское время составляли печенеги с инфильтрацией в их среду огузов. В этой связи привлекают к себе внимание исследования Е.В.Круглова. Анализируя погребальные памятники огузо-печенежского круга, исследованные в Северном Прикаспии, он приходит к выводу, что данные комплексы, начиная со 2-й пол. IX в., относятся к одному культурно-хронологическому горизонту и должны связываться с огузами (Круглов Е.В., 2001б, с.423-425). Это предположение основано на установлении в степях Северного Прикаспия политической гегемонии огузов. Фиксация черт погребальной обрядности, характерной для печенегов, связывается им с включением печенежского субстрата в состав огузской конфедерации (Круглов Е.В., 2001б, с.423). В связи с этим Саркельский могильник рассматривается им как памятник, оставленный огузами (Круглов Е.В., 2001б, с.423).

Данная точка зрения в целом представляется вполне обоснованной. Однако здесь следует сделать одно важное уточнение. По всей видимости, кочевнический могильник Саркела оставлен племенами, входившими в огузскую конфедерацию. При этом подразумевается, что в огузское объединение входило несколько этнических компонентов. В связи с этим сам термин "огузский племенной союз" приобретает значение политонима. Как уже говорилось ранее, сведения о вхождении значительной части печенежских родов в состав конфедерации огузов подтверждаются информацией письменных источников и результатами археологических исследований. В своем сочинении Константин Багрянородный особо отмечает подчинение огузам заволжской группы печенегов (Константин Багрянородный, 1934, с.16). Здесь следует сказать и о ранее упоминавшихся сведениях Махмуда Кашгарского, который, перечисляя племена, составляющие огузскую конфедерацию, упоминает печенегов. Род печег/баджане входил в состав правого крыла огузов – учуков. Из их среды избирались беки этого крыла (Агаджанов С.Г., 1991, с.5; Толстов С.П., 1947, с.79, 99). Надо отметить упоминание в "Родословной туркмен" Абу-л-Гази "урука Бечене", которое трактуется исследователями как обозначение

печенегов. Особое значение здесь имеет тот факт, что Бечене является одним из 24 внуков Огуз-хана, т.е. приходится двоюродным братом предводителю огузов Салор-хану (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.106; Кононов А.Н., 1958, с.51).

Рассматривая данный вопрос, следует рассмотреть результаты археологических исследований в степях Поволжья и Северного Прикаспия. В данном регионе археологические исследования выявили две группы захоронений, которые исследователи уверенно связывают с огузами и печенегами. Очень удачной в этом отношении следует признать карту распространения памятников огузо-печенегов, приведенную в работе Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, рис.1) (рис.14). На ней наглядно видно концентрацию погребений огузов и печенегов на правом берегу Волги. Особо надо отметить синхронность двух указанных групп захоронений. Эти данные дали основание Е.В.Круглову говорить о принадлежности этих погребений к одному культурно-хронологическому горизонту и соотнести их с огузами (Круглов Е.В., 2001б, с.423). Трудно себе представить существование в поволжских и прикаспийских степях какого-либо печенежского объединения. Напротив, источники свидетельствуют о том, что данные территории были одним из центров огузских кочевий. При этом следует оговориться, что вхождение родов в одну племенную конфедерацию не подразумевает общности материальной культуры. Гегемония огузов выражалась в распространении на подчиненные племена политической власти. В то же время характер кочевого быта не создает условий для быстрого формирования унифицированной и единообразной материальной культуры. Более благоприятные условия для слияния культурных традиций формируются вследствие длительных контактов в рамках оседлого общества.

Таким образом, материалы Саркела-Белой Вежи наглядно иллюстрируют факт вхождения печенежского субстрата в состав огузской конфедерации. Судя по материалам кочевнического могильника, печенеги составляли основу гарнизона крепости. В то же время в состав кочевого населения Саркела-Белой Вежи входили и огузы, осуществлявшие здесь политическое руководство. Количество артефактов, связываемых с этим компонентом, указывает на то, что их было гораздо меньше, чем печенегов. Можно предположить, что огузы являлись предводителями наемного контингента. Учитывая зафиксированную в источниках хазаро-печенежскую конфронтацию (Константин Багрянородный, 1934, с.15), представляется маловероятным формирование военного гарнизона ключевой хазарской крепости из политически самостоятельного печенежского контингента. Здесь будет уместным предположить, что сложный

этнический состав гарнизона Саркела сформировался не под влиянием этнокультурных процессов, а в результате деятельности администрации Хазарского каганата.

Смещение двух рассматриваемых этнических групп подтверждается результатами сравнительного анализа керамики Саркела и Самосдельского городища. Полное отсутствие в коллекции Саркела-Белой Вежи рассматриваемых лепных котлов свидетельствует об этнических различиях кочевнического населения двух памятников. Еще одним важным признаком, разделяющим эти комплексы, является полное отсутствие в саркельских материалах тамги "птичья лапка", широко распространенной в комплексе Самосделки. В то же время, как упоминалось выше, при сравнении комплексов лепной керамики памятников в целом выявляется явное сходство. Оно выражается в общности технологических приемов, морфологическом сходстве форм сосудов, а также характере орнаментации. Последнее представляется особенно показательным. Наиболее распространенные лепные котлы типа I очень часто украшались орнаментами из прочерченных линий, ногтевых насечек, пальцевых оттисков. Аналогичные орнаменты также характерны для кочевнической керамики Саркела-Белой Вежи. Эти данные говорят о том, что традиция украшения сосудов орнаментацией "роскошного стиля" характерна как для огузов, так и для печенегов. Общность этих традиций свидетельствует о близком этническом родстве кочевого населения рассматриваемых памятников.

В этой связи следует более подробно остановиться на интерпретации наиболее распространенных котлов типа I. Как уже упоминалось выше, подобные формы были широко распространены в материалах памятников Средней Азии, что позволяет утверждать: данный тип был присущ большей части западно-тюркских племен. Выделение в коллекции Самосдельского городища типов котлов семиреченского происхождения позволяет связать котлы типа I с племенами, входившими в огузское объединение. На это указывает тот факт, что типы I, II, III параллельно сосуществуют в материалах городища, а также то, что котлы типа I встречаются на памятниках Семиречья. В то же время, как уже отмечалось, в верхних слоях памятника котлы типа II, III исчезают, а их место занимают сосуды типа I, которые доминируют в данной категории. Это свидетельствует об этнической нивелировке тюркоязычного населения памятника.

Можно предположить, что отсутствие лепных котлов в материалах Саркела-Белой Вежи связано с малочисленностью огузского компонента, традиции которого растворились в родственной им печенежской среде.

В этой связи большой интерес представляют материалы памятников средневековых кочевников, расположенных в Нижнем Подунавье и Поднестровье. Именно сюда под давлением половцев отходят огузы и печенеги. Здесь под влиянием окружающего оседлого населения в их среде начинается процесс седентаризации (Постикэ Г.И., 1985, с.227). Об этом свидетельствуют находки лепных котлов на целом ряде поселений региона. Г.И.Постикэ отмечает, что большинство типов, выделяемых в данной категории, по форме соотносится с металлическими прототипами. Однако котлы типа II, по всей видимости, повторяют каменные образцы. Судя по всему, они аналогичны по форме сосудам типа V, VI, зафиксированным на Самосдельском городище. Как уже упоминалось выше, на Самосделке также находятся аналогичные каменные котлы.

Большинство исследователей, ссылаясь на данные письменных источников, связывает лепные котлы в днестровско-дунайском регионе с печенегами (Постикэ Г.И., 1985, с.227). Однако письменные источники свидетельствуют о проникновении в данный регион огузов. Это подтверждается находками погребений, совершенных в соответствии с огузским погребальным обрядом. В связи с этим можно предположить, что лепные котлы, найденные в указанном регионе, могут принадлежать как огузам, так и печенегам, которые спасались от полонской экспансии.

Как уже упоминалось выше, данный комплекс лепных котлов сформировался как подражание каменным и металлическим формам. Особый интерес представляют реплики талькохлоритовых сосудов. Наличие подражаний каменным котлам показывает, что в данном регионе в материальной культуре кочевников преобладали унифицированные общетюркские традиции. Это может свидетельствовать о процессе этнической нивелировке, который начался в среде номадов указанного региона. Отличительной чертой сосудов из днестровско-дунайского региона является наличие внутренних ушек или отверстий для подвешивания с внутренней стороны венчика. Можно предположить, что данная черта появилась под влиянием болгарских гончарных традиций, в рамках которых распространено изготовление котлов с внутренними ушками. В связи с тем, что наибольшая встречаемость сосудов с внутренними ушками зафиксирована на памятниках Подонья, логично будет предположить, что в Подунавье-Поднестровье огузо-печенеги приходят именно отсюда. Это, в свою очередь, частично объясняет полное отсутствие лепных котлов в материалах Саркела-Белой Вежи. Кочевнический гарнизон этой крепости пользовался металлическими или каменными сосудами, а также, возможно, болгарскими котлами с внутренними ушками.

Для понимания специфики формирования гонимого комплекса средневековых кочевников следует рассмотреть обстоятельства их проникновения в степи Восточной Европы. Как отмечалось ранее, этот процесс следует рассматривать в тесной взаимосвязи с внутривосточными событиями в Хазарском каганате.

К нач. IX в. Хазарское государство сильно ослабло. На то были как внешние, так и внутривосточные причины. Большое влияние на формирование нестабильной ситуации в каганате оказала серия тяжелых поражений в арабо-хазарских войнах. Кроме военного, экономического, политического урона, эти неудачи нанесли непоправимый вред авторитету верховной власти в государстве в лице кагана. Можно предположить, что каган еще более усугубил ситуацию, когда принял ислам и публично отказался от веры предков (Артамонов М.И., 2002, с.289-290). А.П.Новосельцев отмечает, что именно с сер. VIII в. наблюдается ограничение власти каганов и переход властных полномочий к шаду (Новосельцев А.П., 1990, с.140-141). Параллельно с этим шло идеологическое обоснование этого процесса и сакрализация власти кагана. На практике все это выливается в принятие иудаизма шадом Буланом.

Отстранению кагана от реальной власти способствовали элементы традиционного социального уклада. Здесь надо отметить наличие у хазар, как и многих тюркских народов, дуальной структуры власти, при которой наряду с каганом существует шад, наделенный большими полномочиями (командование войском, сбор налогов, судебные функции). Эта структура обусловлена традиционным делением тюркских народов на два крыла. Предводителем "младшего" крыла и был изначально шад. Обычно этот высокий пост занимал родственник кагана, что увеличивало вес претензий хазарского бека. Процесс ограничения власти кагана был весьма длительным и сопровождался ожесточенной борьбой. Только к нач. IX в. беку удалось оттеснить кагана на второй план (Новосельцев А.П., 1990, с.140-141).

Как уже было сказано, эти события не могли пройти безболезненно для государства. Логично предположить, что они сопровождалась сопротивлением родов, поддерживавших кагана. Это противостояние вылилось в гражданскую войну с "кабарами", разразившуюся в кон. VIII – нач. IX века. После победы в ней бек-шад окончательно захватывает власть в свои руки, отведя кагану роль сакрального символа (Артамонов М.И., 2002, с.289-290). Об ожесточенном характере этого конфликта свидетельствует тот факт, что бек Обадия, принявший иудаизм в качестве государственной религии, и два его преемника погибают в ходе этой

борьбы. Более того, в результате этого пресекается род бека Обадия и престол занимают представители боковой линии, к которой принадлежал царь Иосиф (Артамонов М.И., 2002, с.332).

Война с "кабарами" стала крупным потрясением для каганата, значительно ослабившим его. По-видимому, поводом к войне послужила реформа, а, скорее всего, принятие иудаизма беком Обадией. Несмотря на то, что иудаизм якобы принял Булан, скорее всего, это принятие было формальным ответом на принятие ислама каганом. Только с правления Обадии иудаизм закрепляется в определенных кругах хазарской знати, и беки начинают принимать тронные иудейские имена.

Выбор иудаизма как государственной религии был не случаен, он явился результатом рационального анализа ситуации. Из-за конфронтации с каганом, вылившейся в гражданскую войну, беки теряют поддержку значительных слоев населения внутри каганата. Им необходимы источники денежных и военных ресурсов для укрепления своей власти. Искать поддержку вовне – либо у Византии, либо у Халифата – было неудобно и проблематично: бек будет связан жесткими обязательствами и непременно будет втянут в бесконечные арабо-византийские войны, а поскольку он не имел всеобщей поддержки внутри государства, это грозило окончательной потерей власти. Поэтому беки даже не обращались к соседним государствам с подобными просьбами. Об этом свидетельствует нечеткий и расплывчатый характер упоминания о войне с "кабарами" в византийских источниках. Сыграло свою роль желание уже усилившегося бека скрыть кризис власти в Хазарии и представить все дело как незначительные конфликты.

Иудаизм и иудейские купцы как его носители не представляли угрозы власти бека и ее престижу, а также были более контролируемы, чем внешнеполитические союзники. Еврейская община в Хазарском каганате была многочисленна и держала в своих руках очень выгодную транзитную торговлю. Иудейские купцы могли оказать беку значительную финансовую помощь (Артамонов М.И., 2002, с.274-276). Отчасти союзом с ними, возможно, объясняется перенос столицы на Волгу в нижневолжские степи. Расположение столицы Хазарского каганата на Волге позволяло контролировать торговые потоки сразу по нескольким направлениям. По всей видимости, сыграло свою роль то, что в западных областях каганата имели сильные позиции внутривосточные противники бека (Артамонов М.И., 2002, с.323-327). Вероятно, именно для борьбы с ними в нач. IX в. шад-бек начинает активно вербовать военные контингенты из кочевых народов, появившихся на восточной границе каганата. Анализируя данный вопрос, трудно обозначить причи-

ны, по которым хазарский бек отдал предпочтение огузским наемникам, а не заключил аналогичный союз с печенегами. Возможно, это объясняется географической отдаленностью последних от центральных районов каганата, возможно, бек не захотел связывать себя обязательствами с разгромленными и ослабленными печенегами.

Таким образом, именно при покровительстве Хазарского каганата огузо-печенежские племена начинают заселять степи Восточной Европы. Можно предположить, что окончательная победа бека в борьбе с “кабарами” была связана с привлечением наемников-огузов (Артамонов М.И., 2002, с.331). После этой победы администрация каганата начала строительство Саркела, который являлся опорным пунктом центральной власти в западных областях каганата. Военный гарнизон этой крепости, по всей видимости, был сформирован из подчиненных родов, включенных в состав огузской конфедерации, т.е. из печенегов.

Анализ механизма формирования кочевнического гарнизона в Саркеле-Белой Веже показывает, что он сформировался не вследствие естественных этнических процессов, а был создан в соответствии с потребностями хазарской администрации. Этот тезис представляется весьма значимым, так как позволяет логично объяснить некоторые особенности существования этого контингента.

Процесс седентаризации тюркоязычных номадов на Самосдельском городище и его отражение в керамическом комплексе памятника

Рассматривая комплекс лепных котлов на Самосдельском городище, необходимо остановиться на проблеме оседания кочевого населения в рамках городища. Ранее уже отмечалась уникальность находок данных сосудов для поселенческих памятников Восточной Европы. Действительно, ни на одном оседлом поселении не встречается такой представительной выборки сосудов, непосредственно связанных с ведением кочевого быта. Более того, при переходе номадов к оседлости котлы исчезают в наиболее короткие сроки. На Самосдельском городище наблюдается совершенно иная ситуация. Здесь лепные котлы длительное время занимают заметное место в керамической коллекции. Данный факт свидетельствует об ярко выраженных особенностях хозяйственного уклада населения памятника.

Для понимания механизма формирования некоторых особенностей хозяйственного уклада населения Самосдельского городища следует рассмотреть хозяйственную структуру районов сложения рассматриваемого комплекса лепных котлов.

Одним из таких районов является Семиречье. В данной области хозяйственный уклад определялся взаимодействием двух составляющих – кочевого и оседлого, городского хозяйства. Особый интерес представляют некоторые особенности генезиса городской культуры этого региона.

Основываясь на результатах своих исследований, привлекая большой объем археологических и письменных источников, К.М.Байпаков выдвинул тезис о синкретичности городской культуры Семиречья и Южного Казахстана, отмечая участие в ее генезисе согдийской и тюркской составляющих (Байпаков К.М., 1986, с.95). Исследователь подчеркивает, что прямолинейное соотношение согдийского компонента с оседлой, а тюркского с кочевой культурой является неверным (Байпаков К.М., 1986, с.93). Рассматривая сложение семиреченского и южноказахстанского города, К.М.Байпаков отмечает, что значительная их часть возникла на основе земледельческих оазисов, заселенных преимущественно тюркским и тюркизированным населением. Также он указывает на то, что в результате развития городской культуры наблюдается оседание кочевников, сопровождающееся сильными этническими взаимодействиями (Байпаков К.М., 1986, с.187). Ранее сходные точки зрения высказал целый ряд других исследователей (Большаков О.Г., 1973, с.195; Жданко Т.А., 1968, с.279; Гафуров Б.Г., 1976, с.222-223). Данные выводы хорошо подтверждаются сообщениями письменных источников. Выше уже говорилось о сообщении манихейского автора, упоминавшего один из крупнейших городов Семиречья Тараз как “город славных и благославенных тюрков-чаруков” (Кляшторный С.Г., 1964, с.131). Согласно сведениям Худу ал-Алам, карлукскими были города Кулан, Мирки, Нузкент, Барсхан (Материалы по истории ..., 1989, с.42-43). Также интересны названия городов, соответствующие названию тюркских племен: Джикиль, Ягма, Барсхан (Волин С.Л., 1960, с.84). Упоминание городских центров с чисто тюркскими названиями в арабо-персидской литературе имеет большое значение. Это свидетельствует об их тюркском происхождении. Согдийские колонисты участвовали, прежде всего, в сложении крупных городских центров, имеющих значение пунктов транзитной торговли на трассе “Великого Шелкового пути”. Небольшие города формировались практически без их участия, на основе местного земледельческого населения, преимущественно тюркского. Таким образом, исходя из вышеизложенного, нельзя говорить о том, что тюркские племена Семиречья являлись исключительно кочевниками. Более того, в их среде активно протекал процесс седентаризации. Многие тюркские племена владели городами и, что самое важное,

как показывают исследования К.М. Байпакова, проживали в них. В этой ситуации даже кочевая часть населения имела тесные социально-экономические связи с городскими центрами. Сохранение большого удельного веса в хозяйственном укладе тюркских племен Семиречья и Южного Казахстана кочевого скотоводства объясняется его высокой рентабельностью вследствие благоприятных природно-климатических условий, позволяющих круглогодично держать скот на подножном корму. Особо надо отметить востребованность рынком продуктов скотоводства, что также стимулировало его развитие (Байпаков К.М., 1986, с.186-187). Такой спрос был обусловлен наличием разветвленной системы городского ремесла, ориентированной в том числе и на международную торговлю, функционирующую по маршрутам, проходящим через данный район. Таким образом, следует еще раз подчеркнуть: развитое кочевое скотоводство не может являться свидетельством того, что тюркоязычные кочевники не были знакомы с оседлой культурой. Более того, можно предположить, что кочевое население использовало многочисленные оседлые поселения как пункты зимовок.

В связи с этим можно с большой долей уверенности говорить о том, что племена, сформировавшие огузскую конфедерацию, испытали мощное влияние городской культуры и имели в своей среде элементы оседлости. Это дает основание поставить вопрос о правомочности утверждения некоторых исследователей (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.97) о чисто кочевом образе жизни огузов.

Заселение огузами бассейна Сырдарьи вызвало вполне предсказуемую конфронтацию с печенего-кангарским союзом. Это противостояние вылилось в войну, в которой победа осталась за огузами. Данные письменных источников свидетельствуют о том, что огузы быстро заселяют весь бассейн Сырдарьи, в том числе и ее среднее течение – основной район кочевков печенегов (Агаджанов С.Г., 1969, с.75). Это подтверждают сообщения Махмуда Кашгарского, приводящего перечень огузских городов, которые расположены в районе Средней Сырдарьи (Материалы по истории ..., 1941, с.312; Агаджанов С.Г., 1969, с.94).

В нижнем течении Сырдарьи после прихода огузов складывается очень интересная общность, получившая в историографии название – культура “болотных городищ”. Крупнейшими памятниками этой культуры являются городища Кескенкуюк-кала, Янгикент, Большая Куюк-кала, Асанас. Анализ хозяйственного уклада в данном районе позволяет глубже понять истоки специфического хозяйственного уклада, сложившегося в низовьях Волги, ярко проиллюстрированного материалами Самосдельского городища.

Основой для сложения культуры “болотных городищ” являлась джетыясарская общность с включением афригидского и семиреченского компонентов (Левина Л.М., 1971, с.77, 85-86). Джетыясарская культура формируется в нижнем течении Сырдарьи на рубеже нашей эры. Данная культурно-историческая общность выделяется архаичностью и консервативностью основных черт материальной культуры (Раппопорт Ю.А. и др., 2000, с.142-143). С достаточной большой степенью уверенности можно говорить о том, что эта особенность явилась отражением специфических черт в хозяйстве населения данного региона. Согласно исследованиям Б.В. Андрианова, ирригация в нижнем течении Сырдарьи была гораздо более примитивна, чем системы в бассейне Амударьи, и носила лиманно-озерный характер (Андрианов Б.В., 1969, с.226-227). Одной из возможных причин, обусловившей ее замедленное развитие в данном районе, автор отмечает близкое соседство со степными районами Приаралья и как следствие постоянные вторжения кочевников. В связи с этим в низовьях Сырдарьи еще в бронзовом веке складывается особый тип комплексного полуседлого хозяйства, основанного на земледелии, скотоводстве и рыболовстве (Андрианов Б.В., 1969, с.227; Толстов С.П., 1947, с.100-102). Археологические материалы подтверждают, что такой уклад был присущ и носителям джетыясарской культуры (Андрианов Б.В., 1969, с.202). Надо отметить, что именно примитивное земледельческо-скотоводческое хозяйство являлось базой для консервации архаичных социально-экономических элементов в рамках данного образования. В свою очередь, ограниченность развития производительных сил полуседлых общностей, локализуемых на Нижней Сырдарье, в том числе и джетыясарского объединения, обусловило формирование небольших, не требующих значительных трудовых затрат оросительных систем, использующих локальные водосборные бассейны, лиманы, полустоячие воды (Андрианов Б.В., 1969, с.227). Одним из показателей того, что формирование многоукладной хозяйственной системы происходило в результате естественных социально-экономических процессов, является ведение каракалпаками вплоть до сер. XX в. аналогичного полуседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства. Более того, каракалпаки очень часто повторно осваивают ирригационные оросительные системы древности (Андрианов Б.В., 1969, с.217).

К моменту прихода огузов джетыясарская культура находится в состоянии упадка. Часть джетыясарского населения уходит на юг, где в низовьях Амударьи формируется кердерская культура. Однако значительная часть этих племен остается на территории своего исконного обитания.

Сложение культуры “болотных городищ” при участии тюркских компонентов позволило С.П.Толстому выдвинуть гипотезу о формировании в низовьях Сырдарьи государства огузских ябгу, распространившего свою власть на всех огузов и печенегов степей Евразии. Также им был выдвинут тезис о генетическом тяготении тюркоязычных огузов к дельтовым районам (Толстов С.П., 1947, с.106). В хозяйственно-культурном аспекте он определял это объединение как полуседлое скотоводческо-земледельческо-рыболовецкое общество (Толстов С.П., 1947, с.71).

Ряд аспектов подмечен С.П.Толстовым совершенно верно. Вполне убедителен тезис о формировании в низовьях Сырдарьи полуседлой скотоводческо-земледельческой культуры. Довольно спорным выглядит тезис о сложении огромной державы янгикентских ябгу и формировании у огузов в этот период феодальных отношений. По всей видимости, объединение, возглавляемое ябгу, действительно существовало. Однако это было племенное, а не государственное образование, поэтому о генезисе феодализма у огузов и создании феодального государства говорить нельзя.

Судя по всему, огузы использовали дельтовые поселения постджджыясарского населения как зимовища, при этом в их среде фиксируется процесс оседания на землю. В этой связи появляются упоминания о неkochующих бедняках – “ятуках” (Толстов С.П., 1947, с.100; Агаджанов С.Г., 1969, с.95). Довольно быстрое начало процесса седентаризации в среде сырдарьинских огузов свидетельствует о знакомстве этих племен с традициями оседлости. В то же время в низовьях Сырдарьи складывается очень интересная ситуация. Как уже было отмечено, перспективы развития оседлой земледельческой культуры в данном районе зависели от устройства развитой ирригационной системы. Постджджыясарское население и племенное объединение огузов с сильными традициями ведения кочевого хозяйства не имели социально-экономического потенциала для ее создания. В связи с этим ограниченная в развитии земледельческая общность не могла инкорпорировать и ассимилировать большие массы кочевников. Поэтому оседание огузов в данном районе не было массовым, но полностью отрицать его также нельзя. При всем этом дельтовые районы Сырдарьи были удобным местом для зимовки кочевников, которое они активно использовали. Эти факторы создавали благоприятные условия для культурных взаимовлияний, которые не сопровождались ассимиляцией культуры кочевников. По всей видимости, семиреченские элементы, которые Л.М.Левина выделила на материале “болотных” городищ, следует связывать с влиянием огузов.

Таким образом, можно сказать, что участие огузов в формировании культуры “болотных” городищ было обусловлено объективными социально-экономическими причинами, а не заявленным С.П.Толстовым их генетическим тяготением к дельтовому району.

Завоевание территорий в бассейне Сырдарьи, степей Приаралья и Прикаспия дает начало формированию неоднородной этнокультурной общности огузов. Основу ее составляли кочевники, которые при контактах с оседлыми культурами или общностями быстро оседали на землю, что свидетельствует о наличии в их среде традиций ведения такого хозяйства. О многоукладности хозяйства огузов свидетельствуют письменные источники. Так в сочинении ал-Марвази “Таба и ал-хайаван” содержатся сведения, почерпнутые им у Джайхани: “Одни из них (огузов) живут в городах, другие живут в степях и пустынях, владея палатками и юртами. Их степи граничат со страной Мавераннахра, а часть их примыкает к землям Хорезма” (цит. по: Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.24). Анализируя материалы Самосдельского городища с привлечением данных письменных источников, Д.В.Васильев высказал точку зрения о вхождении в “огузский мир” племен, ведущих оседлый и полуседлый образ жизни (Зиливинская Э.Д. и др., 2003, с.112).

В низовьях Волги складывается ситуация, схожая с той, что сформировалась на Нижней Сырдарье. Здесь также в силу природно-климатических факторов невозможно развитие пашенного земледелия, основанного на культивировании злаков. Об этом свидетельствуют результаты почвенно-ландшафтных исследований, проведенных на Самосдельском городище. Они показывают, что климатические условия района расположения городища наиболее благоприятствуют скотоводческо-рыболовецкому типу хозяйствования. Эти исследования показали также, что лимитирующим фактором для развития земледелия является влагообеспеченность (Бронникова М.А. и др., 2001, с.47). Еще одним негативным фактором в развитии земледелия является засоление почв и грунтовых вод.

В качестве иллюстрации здесь уместно привлечь этнографические данные. Эти факторы оказали сильное влияние на процесс освоения Астраханского края русскими переселенцами XVIII-XIX веков. Большая часть колонистов была выходцами из традиционно земледельческих районов России и Украины (История Астраханского края, 2000, с.322, 337). Одним из главных стимулов освоения низовьев Волги было наделение переселенцев значительными участками государственных земель. Вследствие этого в Астраханском крае средний размер крестьянских наделов был значительно выше, чем в других районах Российской империи (Исто-

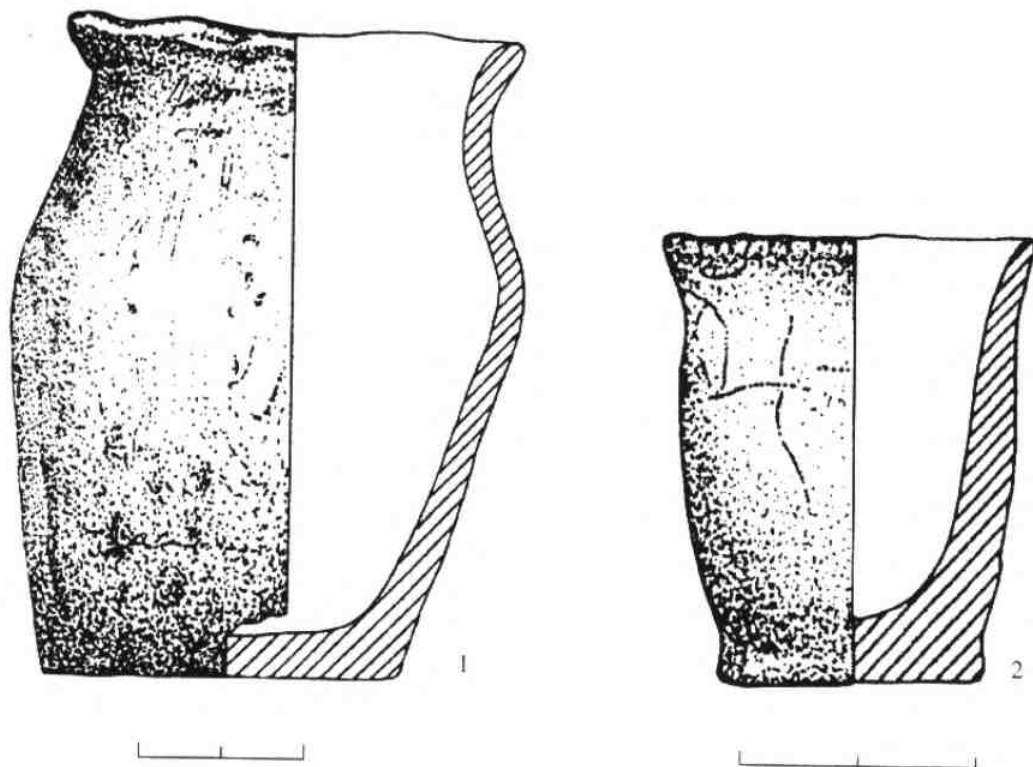

Рис. 12. Лепные баночные горшки
 Fig. 12. Modelled jar pots

рия Астраханского края, 2000, с.369). Но из-за влияния природно-климатических условий удельный вес земледелия в хозяйстве губернии был низким (История Астраханского края, 2000, с.337, 340-341, 369). Более того, исследователями отмечается примитивный характер агрокультуры с преобладанием залежной системы (История Астраханского края, 2000, с.370). В этих условиях ведущую роль в хозяйственном укладе населения занимал рыбный промысел (История Астраханского края, 2000, с.340).

В этой связи показательны некоторые специфические черты хозяйственного уклада Астраханского казачества. Ведущий исследователь истории казачества в Астраханском крае П.В.Казаков отмечает слабость земледельческого уклада в среде казаков (Казаков П.В., 1999, с.68; История Астраханского края, 2000, с.505). В качестве главных причин такой ситуации он считает влияние негативных природных факторов и как следствие примитивный характер агрокультуры (Казаков П.В., 1999, с.110, 117-118). Влияние подобных природных условий обусловило распространение в хозяйстве астраханских казаков культивирования неприхотливого проса, а также более приспособленных к упомянутым природным условиям бахчевых и огородных

культур (Казаков П.В., 1999, с.109, 119; История Астраханского края, 2000, с.506-507). По мнению П.В.Казакова, ведущую роль в хозяйстве астраханского казачества играл рыбный промысел, большое значение имело скотоводство (История Астраханского края, 2000, с.507-510).

Принимая во внимание приведенные выше данные, можно предположить, что основой земледельческого хозяйства в низовьях Волги, начиная с хазарского времени, становится культивирование садово-бахчевых, огородных культур, винограда, а из злаков, возможно, выращивали просо. При этом объемы посевов, по всей видимости, были довольно ограниченными. В пользу этого свидетельствует отсутствие следов какой-либо развитой ирригационной сети на территории Нижнего Поволжья, как необходимого условия для интенсивного развития земледелия в зоне засушливого климата.

Аналогичные данные содержатся в сочинениях арабских авторов, а также в письме царя Иосифа. Эти источники сообщают о наличии у хазар земледельческих традиций (Артамонов М.И., 2002, с.400; Коковцов П.К., 1932, с.85, 102; Караулов П.А., 1901, с.45). Описывая земледелие у хазар, они отмечают, что пашни находятся в степи, разброса-

ны на довольно значительной территории, а сельских поселений в Хазарии нет (Артамонов М.И., 2002, с.400; Караулов Н.А., 1901, с.45). Эти свидетельства фиксируют особенности комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, сформировавшегося в низовьях Волги. Судя по этим сведениям, население этого района уже в хазарское время было знакомо с земледельческим хозяйством. Однако вследствие указанных неблагоприятных природно-климатических особенностей оно было возможно только на ограниченных участках с благоприятными условиями для культивирования определенного набора растений. Такими районами, благоприятствующими земледелию, были участки поймы и дельты.

Вследствие ограниченных возможностей развития земледелия, большое значение в хозяйстве Самосдельского городища имело скотоводство, а также рыболовство. Это подтверждают многочисленные находки костей домашних животных и рыб. Здесь надо особо отметить большое значение скотоводства. Наряду с земледелием, оно было одним из основных занятий населения городища. По всей видимости, в условиях волжской дельты и поймы скотоводство носило отгонный характер.

Влияние этих факторов, негативно сказавшихся на развитии земледельческого уклада, обусловило то, что в дельте Волги сложились условия, замедлившие процесс перехода кочевников к оседлости. Это связано с тем, что ограниченное скотоводческо-земледельческое хозяйство не создавало социально-экономического базиса для массового оседания и ассимиляции кочевников. При этом уклад кочевников в данном районе, по всей видимости, уже в хазарское время претерпел довольно значительные изменения. Можно предположить, что кочевки не были круглогодичными, а носили сезонный характер. Скорее всего, население кочевало только в теплое время года, зимую в дельтовых поселениях (Попов П.В., 2004, с.263-264). Это подтверждается еврейско-хазарской перепиской (Коковцов П.К., 1932, с.85, 102). Данная хозяйственная модель позволяет объяснить широкое распространение такой типичной для кочевников категории посуды как лепные котлы в культурном слое городища.

Здесь необходимо отметить, что в хазарское время кочевой уклад был присущ не только огузским племенам, но и значительной части хазаро-болгар, составлявшим большую часть населения Самосдельского городища. Об этом свидетельствуют сочинения восточных авторов и комплекс хазаро-еврейской переписки (Артамонов М.И., 2002, с.400). В своем письме царь Иосиф сообщает о сохранении в среде хазарской знати традиций кочевничества и о длительности ежегодно предпринимаемых им кочевек (Коковцов П.К., 1932, с.85-87,

102-103). В то же время зиму хазарский царь со своим двором проводил в своей столице – городе Итиль. В этой связи следует упомянуть находки в нижних слоях грубых лепных баночных сосудов. Они довольно сильно отличаются от лепной огузопеченужской керамики: практически не орнаментированы, вылеплены очень грубо. Также среди этой керамики преобладает костровой обжиг. Данные сосуды представляются очень архаичными и восходят к общетюркским формам (рис.12). Эта посуда может быть соотнесена с кочевым болгаро-хазарским населением.

С распадом Хазарского каганата в этно-социальной структуре Нижнего Поволжья происходят изменения. В это время, по свидетельствам арабского купца и путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, район низовьев Волги входит в состав области Саксин. Политическое верховенство в этом образовании захватывают огузы (Путешествия Абу Хамида ал-Гарнати ..., 1971, с.27, 30-35, 37, 42, 43-44; Федоров-Давыдов Г.А., 1969, с.254). Д.В.Васильев, проанализировав полученные материалы, убедительно доказал локализацию города Саксин на Самосдельском городище (Васильев Д.В., 2004, с.264-269).

Вероятно, в этот период значительная часть огузов сохраняет кочевой уклад, используя дельтовые районы как зимовища. Болгарское население, скорее всего, полностью переходит к оседлому быту. В это время хазаро-болгары также продолжают вести вышеописанное комплексное скотоводческо-земледельческо-рыболовецкое хозяйство. По всей видимости, катализатором процесса оседания огузов послужило заселение степей Восточной Европы половецкими племенами. В то же время археологические данные, прежде всего наличие некоторых типов керамики, характерных для кочевников, в том числе и лепных котлов, свидетельствуют о том, что данный процесс не завершился. Возможно, вследствие того, что нижневолжские степи были слабо освоены половцами и их основные кочевья располагались западнее, здесь сформировались условия для сохранения и развития болгаро-огузской общности.

Приход в нижневолжские степи монголов и образование Золотой Орды довольно слабо повлияли на культуру городища. По-видимому, низовья Волги без сопротивления подчинились татаро-монголам и вошли в состав нового государства. Косвенно об этом свидетельствует сообщения папского посланника Гильома Рубрика о существовании каких-то поселений в дельте Волги (Путешествия в восточные страны ..., 1957, с.185). Монгольское завоевание не повлекло массовой инфильтрации иноэтничного населения в дельту Волги. Об этом свидетельствует непрерывность развития и прием-

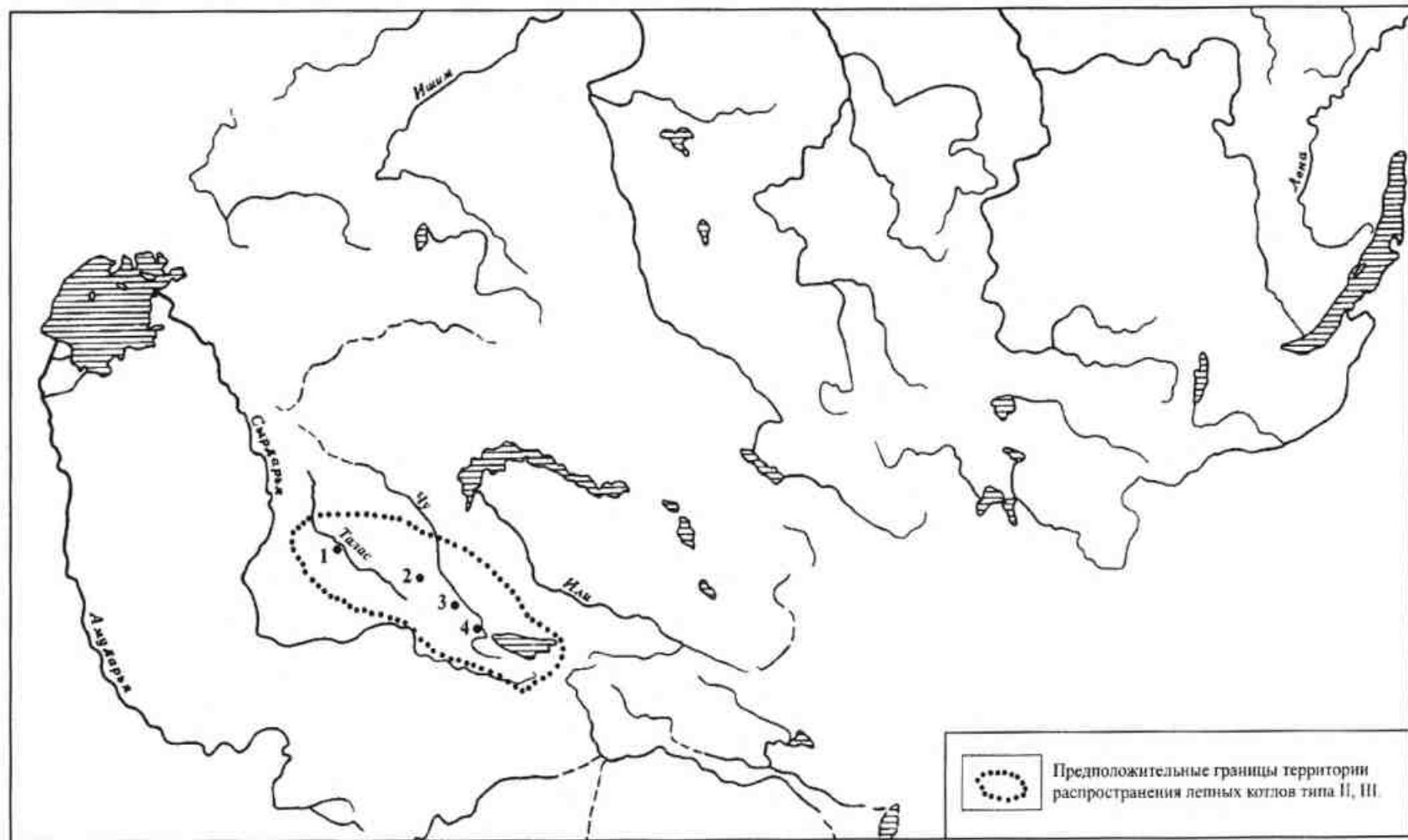

Рис. 13. 1 – Тараз (Джамбул); 2 – Кулан (Луговое); 3 – Навкат (Краснояреченское городище); 4 – Суяб (Ак-бешим).

Fig. 13. 1 – Taraz (Dzhambul); 2 – Kulan (Lugovoie); 3 – Navkat (Krasnorechensk hillfort); 4 – Suiab (Ak-beshim).

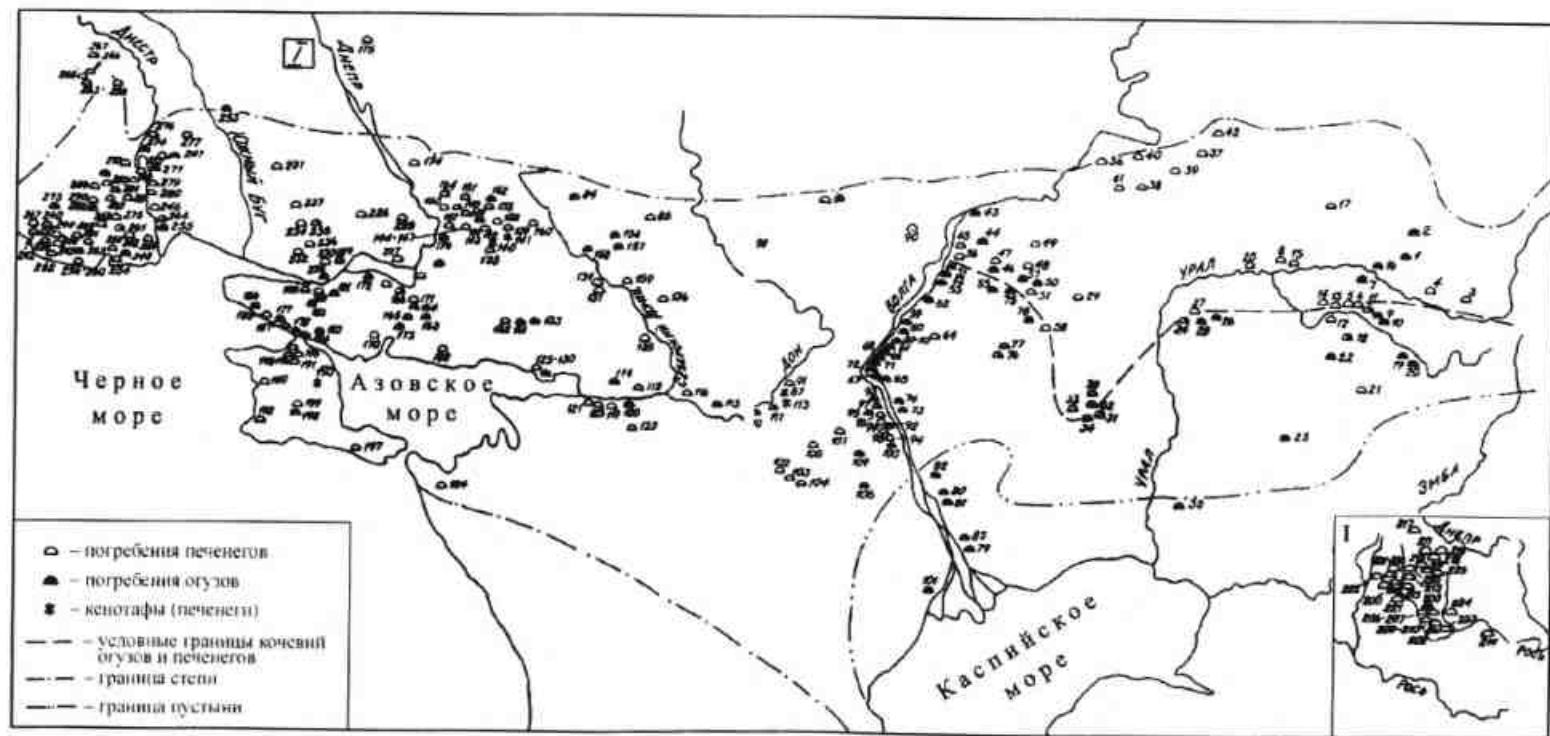

Рис. 14. Схема расположения погребений огузов и печенегов на территории Восточной Европы (по: Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001).
 Fig. 14. The scheme of the location of Oguz and Pecheneg burials on the Eastern European territory (by Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001)

ственность керамического комплекса Самосдельского городища. По-видимому, появление черт, интерпретируемых как характерных для материальной культуры Золотой Орды, связано с формированием в Нижнем Поволжье крупных городских центров. В золотоордынский период наблюдается сокращение площади поселения вследствие подъема уровня воды в Волге. В 30 гг XIV в. произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря, которое могло послужить причиной запустения поселения (Бронникова М.А. и др., 2001, с.47). Самые поздние золотоордынские монеты в островной части городища относятся к нач. XIV века. Возможно, именно в это время жизнь в городе замирает, а в его левобережной части, где была обнаружена монета хана Кильдибека, население оставалось до периода "Великой замяти", до 1360 годов. По всей видимости, окончательная гибель Самосдельского городища происходит вследствие нестабильности в Золотой Орде, вызванной этой смутой.

Заключение

Анализируя коллекцию лепных котлов Самосдельского городища, можно сделать ряд выводов. Прежде всего, следует отметить, что данный комплекс является уникальным для памятников Восточной Европы. Истоки основных составляющих его типов лежат в керамике тюркоязычных кочевников Южного Казахстана, Семиречья. Следует отметить высокую степень сходства самосдельских и среднеазиатских сосудов, что позволяет говорить о непосредственном переселении носителей традиции изготовления данных сосудов на Нижнюю Волгу. Также следует отметить, что наличие пред-

ставительной выборки такой типично кочевнической посуды как котлы в поселенческих слоях памятника свидетельствует о большом влиянии кочевников на материальную культуру данного городища. По всей видимости, Самосдельское городище было крупным пунктом зимовки кочевников.

Коллекция лепных котлов состоит из нескольких типов. Среди них особо выделяются типы II, III, близкие аналогии которым находятся в материалах памятников Семиречья, где они датируются VII-VIII веками. Эти аналогии позволяют соотносить данные сосуды с тюркоязычными кочевниками, проживавшими в Семиречье и составившими костяк огузского племенного союза. Подобные формы распространены исключительно в нижних слоях городища. В связи с этим на Самосдельском городище они датируются IX-X веками. Котлы типа I являются наиболее распространенными в материалах памятника и встречаются вплоть до золотоордынского времени. Данные котлы широко распространены в комплексах Средней Азии и, по всей видимости, были характерны для большого числа западно-тюркских племен. Соотнося их с формами типа II, III, можно предположить, что сосуды типа I присущи племенам, входившим в огузскую конфедерацию.

Котлы типов IV, V, VI являются глиняными репликами каменных аналогов. Решение вопросов их этнической интерпретации и датировки связано с исследованием происхождения каменных форм.

Таким образом, изучение комплекса лепных котлов Самосдельского городища позволило обозначить новые этнические компоненты в населении памятника, а также впервые выделить типы керамики, которые могут служить надежными хронологическими индикаторами.

Литература и архивные материалы

- Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XII вв. Ашхабад.
Агаджанов С.Г., 1977. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана// Известия АН Туркменской ССР. Серия "Общественные науки". № 4. Ашхабад.
Агаджанов С.Г., 1991. Государство сельджукидов в Средней Азии в XI-XII вв. М.
Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1958. Из истории оседлых поселений и городов Казахстана// ТИИАЭ АН Каз. ССР. Т.5. Алма-Ата.
Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермакович Л.Б., 1972. Древний Отрар. Алма-Ата.
Андрянов Б.В., 1969. Древние оросительные системы Приаралья. М.
Артамонов М.И., 1958. Саркел-Белая Вежа// МИА. № 62.
Артамонов М.И., 2002. История хазар. СПб.
Байпаков К.М., 1980. Культ барана у сырдарьинских племен// Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
Байпаков К.М., 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата.
Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая// МИА. № 26.

- Большаков О.Г.**, 1973. Город в конце VIII – начале XIII вв.// Средневековый город Средней Азии. Л.
- Бубнова М.А.**, 1963. Средневековое поселение Ак-тепе-1 у с.Орловка// Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
- Бронникова М.А., Завовская Э.П., Аржанцева И.А.**, 2001. Городище “Самосделка”: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Астрахань.
- Васильев Д.В.**, 2004. О местоположении города Саксин// Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Вишневская Н.Ю.**, 2001. Ремесленные изделия Джигербента. М.
- Волин С.Л.**, 1960. Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине рек Талас и смежных районах// Труды ИИАЭ АН КазССР. Т.8. Алма-Ата.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.**, 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.
- Гафуров Б.Г.**, 1976. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М.
- Государственный архив Астраханской области.** ф.37, оп.1, д.34, л.78.
- Григорьев Г.С.**, 1948. Келесская степь в археологическом отношении// Известия АН КазССР. № 46. Серия археологическая. Вып.1. Алма-Ата.
- Гудкова А.В.**, 1964. Ток-кала. Ташкент.
- Гумилев Л.Н.**, 2005. Древние тюрки. М.
- Егоров В.Л.**, 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Жданко Т.А.**, 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане// История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.**, 2003. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Иванов В.А.**, 1993. Хронологические комплексы X-XI вв. на Южном Урале и Приуралье// Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Иванов В.А.**, 2002. Огузы и печенеги в евразийских степях// История татар. Казань.
- История Астраханского края, 2000/** Под ред. проф. Н.М.Ушаковаю. Астрахань.
- Казаков П.В.**, 1999. Астраханское казачество в XVIII – I пол.XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Рукопись// Архив Астраханского государственного университета.
- Караулов Н.А.**, 1901. Сведения арабских географов IX-X веках по РХ о Кавказе, Армении, Азербайджане// СМОНП. Т.ХХIX.
- Кляшторный С.Г.**, 1964. Древнетюркские рунические памятники. М.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.**, 2004. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.
- Кляшторный С.Г., Савиннов Д.Г.**, 2005. Степные империи древней Евразии. СПб.
- Коковцов П.К.**, 1932. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.
- Кокорина Н.А.**, 2002. Керамика Волжской Булгарии второй пол. XI – нач. XV вв. Казань.
- Кононов А.Н.**, 1958. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.; Л.
- Константин Багрянородный.** 1934. Об управлении государством// ИГАИМК. Вып.91. М.; Л.
- Кригер В.А.**, 1986. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников)// Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Кригер В.А.**, 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Круглов Е.В.**, 2001а. О некоторых особенностях погребального обряда огузов// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.
- Круглов Е.В.**, 2001б. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й половины IX – 1-й половины XI веков// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Круглов Е.В.**, 2005а. К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом// Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.
- Круглов Е.В.**, 2005б. К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики с гирляндоподобным орнаментом// Вопросы краеведения. Вып.9. Материалы XV-XVI краеведческих чтений. Волгоград.
- Левина Л.М.**, 1971. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. М.

- Материалы** по истории казахских ханств в XV-XVIII вв.: Извлечения из персидских и тюркских сочинений, 1989. Алма-Ата.
- Материалы** по истории туркмен и Туркмении, 1941. Т.1. М.: Л.
- Неразик Е.Е.**, 1959. Керамика Хорезма афригидского периода// Керамика Хорезма. ТХАЭЭ. Т.IV. М.
- Новосельцев А.П.**, 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Плетнева С.А.**, 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи// МИА. № 75.
- Плетнева С.А.**, 1963. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи// МИА. № 109.
- Плетнева С.А.**, 1990. Половцы. М.
- Попов П.В.**, 2004. К вопросу о датировке городища Мошаик// Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Постикэ Г.И.**, 1985. Глиняные котлы на территории Молдавии в раннесредневековый период// СА. № 3.
- Путешествие** Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.), 1971/ Публикация О.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. М.
- Путешествия** в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука, 1957. М.
- Раппопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М.**, 2000. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М.
- Сенигова Т.Н.**, 1972. Средневековый Тараз. Алма-Ата.
- Толстов С.П.**, 1947. Города гузов// СЭ. № 3.
- Хлебникова Т.М.**, 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1969. Город и область Саксин в XII-XIV вв.// МИА. № 109.

Summary

P.V.Popov (Astrakhan, Russia)

MODELLED CAULDRONS OF SAMOSDELKA HILLFORT AND PROBLEM OF THEIR ETHNIC INTERPRETATION

During exploration at Samosdelka hillfort located in the lower Volga reaches, a complex of modelled cauldrons was singled out. The forms originate from the finds of medieval Turkic-speaking nomads of Central Asia. The forms similar to those used in the pottery of the monuments of the region of the Seven Rivers, should be specially noted. In this region the similar forms have precise dating: the 7th – 8th centuries. On Samosdelka hillfort they should be dated to the 9th – 10th centuries. These forms may serve as chronoindicators, thus their distinguishing is of great importance. Generally, the complex under examination should be related with the tribes that composed the Oguz confederation.

The appearance of the considerable amount of tableware typical of the nomads in the hillfort collection is a sign of the process of the nomads' transition to settled life. However, the adverse natural climatic conditions of the lower Volga reaches did not permit the formation of the powerful center of settled agricultural culture here. Accordingly, cattle breeding played a great role in the economy of the population of the monument, which caused preservation of nomadic economy. The nomads used Samosdelka hillfort as a place of winter stay.

Статья поступила в редакцию в августе 2008 г